

INSPIRIA

18+

ТИА УИЛЬЯМС

СЕМЬ

дней

В ИЮНЕ

INSPIRIA

Тиа Уильямс

Семь дней в июне

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Coe)-44

Уильямс Т.

Семь дней в июне / Т. Уильямс — «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-171431-4

Семь дней, чтобы влюбиться. Пятнадцать лет, чтобы забыть. И семь дней, чтобы все вернуть. «Семь дней в июне» — история любви, которая удивляет. Идеально для любителей фильмов «Один день», «Влюбись в меня, если осмелишься», «Дневник памяти», а также сериала «Эйфория». Разве могут несколько дней вместить в себя так много? Искры, всполохи, взрыв — и пятнадцати лет разлуки будто и не было. Неделя — и твоя жизнь больше не будет прежней. Ева всегда была не такой, как все. Этим она и понравилась Шейну. Шейн не был похож на типичного подростка. Поэтому Ева рискнула заговорить с ним. Он не искал друзей, она — отчаянно в них нуждалась. Это было пятнадцать лет назад. Многое изменилось с тех пор. Он пишет серьезную прозу, она — эротические романы. Судьба сведет их снова на литературном вечере, чтобы напомнить: первая любовь — самая сильная, самая опасная и самая важная. Как бы сильно Ева и Шейн ни отрицали чувств друг к другу, первая любовь — это навсегда. «Сексуальная и современная история любви». — Риз Уизерспун

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-171431-4

© Уильямс Т., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Воскресенье	7
Глава 1. Укуси меня	7
Глава 2. Мать-одиночка – супергерой	14
Глава 3. Романтическая комедия 2004	21
Понедельник	27
Глава 4. Мантра	27
Глава 5. Веселое черное дерьмо	34
Глава 6. Ведьма кроет монстра	41
Глава 7. Ты первая	47
Глава 8. Так с поцелуем я умру 2004	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Тиа Уильямс

Семь дней в июне

Посвящается КК и ФФ, моим любимым

Tia Williams
SEVEN DAYS IN JUNE
Copyright © 2021 by Tia Williams

© Гордиенко В., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

В год Господа нашего 2019 тридцатидвухлетняя Ева Мерси чуть не задохнулась, подавившись жвачкой. Она пыталась мастурбировать, когда жвачка застряла у нее в горле, перекрыв доступ воздуха. Медленно теряя сознание, Ева представляла, как ее дочь, Одри, находит ее в рождественской пижаме, сжимающей в руках тюбик лубриканта с клубничным ароматом и фаллоимитатор под названием *Quarterback* (который вибрировал на гораздо более высокой частоте, чем рекламируемая частота жевательной резинки). В некрологе можно будет написать «Смерть от фаллоимитатора». Чертовски хорошие воспоминания оставит она о себе осиротевшему двенадцатилетнему ребенку.

Однако Ева не умерла. В конце концов она выкашляла жвачку. В ужасе и оцепенении она спрятала *Quarterback* в ящике, забитом футболками с хип-хоп-концертов, надела старинное кольцо с камеей и пошла к Одри, чтобы разбудить – пора было собираться в Хэмптон на день рождения ее лучшей подруги. Размышлять о краткой встрече со смертью времени не было.

Ева считала себя чертовски хорошей матерью и неплохой писательницей, однако истинным ее талантом была способность отбросить в сторону все странное и непонятное и жить дальше. На этот раз она сделала это слишком хорошо и упустила очевидное.

Когда Ева Мерси была маленькой, мама рассказывала ей, что креольские женщины видят знаки судьбы. В то время для Евы слово «креольский» было связано с Луизианой и чернокожими французскими фамилиями. Только в средней школе она поняла, что ее мама была... как бы это помягче сказать... эксцентричной и придумывала «приметы», чтобы оправдать свои прихоти. (Мэрайя Кэри выпустила альбом под названием «Браслет с амулетами»? Давайте потратим деньги, отложенные на оплату жилья, на подвески-амулеты из фианита в *Zales*¹!) Суть в том, что Ева была настроена верить, что Вселенная посылает ей знаки.

А потому ей следовало ожидать, что после жвачки *Trident* случится драма, которая изменит ее жизнь. В конце концов, она уже бывала на волосок от смерти.

И в тот раз, как и в этот, ее жизнь изменилась навсегда.

¹ Ювелирный магазин. (Здесь и далее прим. ред.)

Воскресенье

Глава 1. Укуси меня

– Тост за нашу богиню секса Еву Мерси! – кричала женщина-херувим, поднимая бокал с шампанским. Ева, в горле которой все еще першило после вчерашнего случая со жвачкой, фыркнула в ответ на выражение «богиня секса». Сорок женщин, столпившихся вокруг длинных обеденных столов, громко аплодировали. Они были в восторге. Члены книжного клуба, шумные белые женщины на пороге пятидесятилетия, принадлежащие к верхушке среднего класса, приехали из Дейтона, штат Огайо, в Манхэттен на поздний завтрак, чтобы поздравить Еву и отпраздновать ее успехи. Поводом послужила пятнадцатая годовщина выхода ее бестселлера (ну, бывшего бестселлера) эротической серии «Проклятые».

Лейси, президент отделения клуба, поправила свою фиолетовую ведьмовскую шляпу и повернулась к Еве, которая сидела во главе стола.

– Сегодня, – звучно провозгласила она, – мы празднуем волшебный день, в который некогда повстречали нашего бронзовогоглазого вампира Себастьяна и его настоящую любовь, решительную развеселую ведьму Джию!

Гости за столиками разразились визгом. Ева почувствовала облегчение от того, что безумно эффектный ресторан на Таймс-сквер, оформленный в тематике садомазо, предоставил им отдельный зал. И какой зал! Потолок задрапирован красным бархатом, стены украшала паутина из веревок для бондажа и стэков. Готические канделябры опасно низко нависали над черными лакированными столами.

Меню «Боль/Удовольствие» было настоящей туристической достопримечательностью. В зависимости от выбора клиента официанты в непристойной одежде могли слегка выпороть заказчика, поерзать у гостя на коленях и так далее. Кто что пожелает.

Ева не желала. Но она была душой компании, а «Настоящие домохозяйки» из Дейтона проделали долгий путь. Это были ее поклонники – потрясающий фандом, который поддерживал ее на плаву. Особенно в последнее время, когда феномен вампиров уже не пользовался такой популярностью (и продажи ее книг, соответственно, тоже упали).

Поэтому Ева выбрала в меню «Наручники + печенье». И теперь восседала на готическом троне, руки ее были закованы в наручники, а скушающая официантка в кожаном корсете кормила ее печеньем «Сникердудлс».

Было 14:45.

Ей бы чувствовать себя униженной и оскорбленной, но она и не такое знавала. В конце концов, Ева писала порноновеллы, продававшиеся в супермаркетах возле кассы. В то время как большинство авторов выступали в книжных магазинах, университетах и шикарных частных домах, мероприятия Евы были, скажем так, более извращенными. Она давала автографы в секс-шопах, клубах бурлеска и на тантрических семинарах. Она даже продавала книги на афтепати «Феминистки в кино для взрослых» (*FAFFIES*) в 2008 году.

Такая себе работенка. Она снисходительно улыбалась, пока ее читатели до обморока поглощали приключения двух озабоченных, неблагополучных, вечно девятнадцатилетних оболтусов, которых она придумала, когда сама была озабоченной, неблагополучной девятнадцатилетней оторвой.

Ева никогда не думала, что ее имя будет звучать в одном ряду с ведьмами, вампирами и оргазмом. Достигая в колледже высот в литературном творчестве и меланхолии, Ева случайно ступила на этот путь. Второй курс, зимние каникулы. Ехать ей было некуда. Вот она и затаилась в комнате в общежитии и излила бумаге свои подростковые фантазии, сдобренные мечтами фанатов ужасиков о безумной вакханалии. А соседка по комнате тайком отправила рассказ на конкурс журнала *Jumpscare* «Новая проза». Ева получила первый приз и литературного агента. И спустя три месяца бросила колледж, получив контракт на издание нескольких книг с шестизначным гонораром.

Она зарабатывала себе на жизнь книгами об эротике и сексе. И в то же время не могла припомнить случая, когда в последний раз раздевалась при ком-то – будь то нежить или человек.

Разрываясь между писательской карьерой, гастролями, воспитанием в одиночестве дочери-подростка, напоминавшей характером маленький ураган, и борьбой с хронической болезнью, которая то отступала, то изводила ее до полной потери сил, она была слишком истощена, чтобы завести роман с пенисом в реальной жизни.

И это было прекрасно. Когда на Еву напал зуд, она разбиралась с ним в своих книгах. Как боксер, воздерживающийся перед ответственным поединком, она использовала свою бес-

сознательную похоть, чтобы придать истории Себастьяна и Джии дикую остроту. Такой у нее был боеприпас для литературных творений.

Однако в эпоху социальных сетей никто не хотел представлять своего любимого автора эротических триллеров, обдолбанного обезболивающими и пускающего слюни на диване по вечерам к 9:25. Поэтому на публике Ева выглядела соответственно. У нее был свой мальчишески-винтажный взгляд на сексуальность. Сегодня на Еве было мини-платье из серой футболки, *Adidas*, винтажные золотые серьги-обручи, а глаза она подвела широкой растушеванной черной линией. С ее фирменными очками сексуальной секретарши и локонами чуть ниже плеч любой оставался в полной уверенности, что она – женщина-вамп.

Притворяться Ева умела великолепно.

– ...и благодарим тебя, – продолжала Лейси, – за то, что ты вселила в нас веру в страсть, хотя Джия и Себастьян и вынуждены из-за древнего проклятия просыпаться на разных концах света, испытав оргазм. Ты объединила нас. С тобой мы – фандом. Ждем не дождемся, когда же выйдет пятнадцатая книга «Проклятых»!

Под аплодисменты Ева ослепительно улыбнулась и попыталась подняться. К несчастью, она забыла, что прикована наручниками к стулу, и на полпути ее резко дернуло вниз. Все охнуло, глядя, как Ева плюхнулась на пол. Ее официантка-доминатрикс спохватилась спустя пару секунд и отстегнула упавшую писательницу от опрокинутого стула.

– Ух ты, многовато мерло, – хихикнула Ева, поднимаясь. Это была ложь; алкоголь был ей противопоказан. Два глотка – и она окажется в реанимации.

Ева подняла бокал с минералкой над морем счастливых пьяных бумеров. Большинство из них, как и Лейси, были в фирменных фиолетовых шляпах ведьмы Джии. У некоторых на блузках от *Chico's* блестели кулоны с буквой *S*.

Это была буква *S* в честь Себастьяна, напоминание о нацарапанной подписи вампира (\$29,99 на сайте *evamercymercyme.com*).

У Евы такая же буква *S* красовалась на предплечье. Решение, достойное сожаления, принятое много лет назад размытой ночью размытой девушкой.

– Я не нахожу слов, чтобы выразить вам благодарность, – промурлыкала она. – Только благодаря вашей поддержке мир «Проклятых» жив. Надеюсь, пятнадцатая книга оправдает ваши ожидания.

«Если я когда-нибудь ее напишу». Рукопись нужно было сдавать через неделю, а Ева, парализованная творческим кризисом, едва накропала пять глав.

Она быстро сменила тему.

– Итак, кто-нибудь читает журнал *Variety*?

Собравшиеся отдавали предпочтение *Redbook* и *Martha Stewart Living* – так что нет.

– Вчера появились потрясающие новости. – Ева отставила бокал и сцепила на маникюрные пальцы под подбородком. – Наше желание исполнилось. «Проклятых» экранизируют!

Раздались крики. Кто-то подбросил в воздух ведьминскую шляпу. Раскрасневшаяся блондинка достала айфон и записала речь Евы, чтобы позже разместить ее на фан-странице «Проклятых» в *Facebook*². Наряду с несколькими фан-аккаунтами на *Tumblr* и *Twitter*, *Facebook* был для Евы очень важной платформой для продвижения книги, где ее читатели делились фан-артом, сплетничали, писали непристойные продолжения историй и обсуждали выбор актеров для фильма, о котором они фантазировали годами.

– Я нашла женщину-продюсера, – «чернокожую женщину-продюсера, слава тебе, Господи», – которая действительно понимает наш мир. Она сняла горячую короткометражку для

² Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (*Здесь и далее*).

фестиваля «Сандэнс»³ об агенте по недвижимости, соблазняющем оборотня! Сейчас мы проводим собеседования с режиссерами.

– Себастьян на экране! Представляете? – взвизгнула крашеная рыжеволосая гостья. – Нам нужен чернокожий актер с бронзовыми глазами. Который хорошо кусается.

– Ева, как мне попросить мужа укусить меня? – прохныкала похожая на Мерил Стрип дамочка. Разговор всегда сводился к сексу.

– Возбуждение через укусы – это вещь, знаете ли. Называется «одакселагния», – поделилась знанием Ева. – Просто скажи ему, что тебе хочется этого. Шепни на ушко.

– Одакселагнируй меня, – пролепетала Мерил.

– Остроумно, – подмигнув, одобрила Ева.

– Я так хочу увидеть Джию на экране, – прохрипела брюнетка. – Она такая бесстрашная воительница. Себастьян устрашающий, но она убила армии охотников на вампиров, чтобы защитить его.

– Ведь верно? Сильнейшая страсть девочек-подростков может привести в движение целые страны. – Поблескивая глазами, Ева начала мини-монолог, который отточила много лет назад. Эта часть встреч ее все еще развлекала. – Нас учат, что мужчины состоят из животных импульсов и самомнения. Но девушки взрослеют раньше.

– А потом общество их затаптывает, – сказала брюнетка.

– Я скажу так. – Ева знала, что боль приближается.

Невидимая маска соскользнула, и показался уголок Тьмы.

– Вспомним историю, – продолжала Ева, потирая висок. – Роксана Шанте⁴ обыграла взрослых мужчин в состязании по рэпу в четырнадцать лет. Серена⁵ выиграла *US Open*⁶ в семнадцать лет. Мэри Шелли⁷ написала «Франкенштейна» в восемнадцать. Жозефина Бейкер⁸ покорила Париж в девятнадцать. Школьный дневник Зельды Фицджеральд⁹ был настолько великолепен, что ее будущий муж украл оттуда целые абзацы, когда писал «Великого Гэтсби». Поэтесса восемнадцатого века Филлис Уитли опубликовала свое первое произведение в четырнадцать лет, находясь в рабстве. Жанна д'Арк. Грета Тунберг¹⁰. Девочки-подростки перестраивают этот гребаный мир.

В зале воцарилась наэлектризованная тишина. Но Ева тонула. Стук в висках усиливался с каждой миллисекундой. Сахар всегда приводил к ухудшению самочувствия, а ее насильно кормили печеньем. Она знала, что так нельзя, но пришлось надеть наручники.

Ева рассеянно щелкнула резинкой, которую всегда носила на правом запястье. Это отвлекало от боли. Старый трюк.

– Помните, как Кейт Уинслет спаслась с «Титаника»? – спросила брюнетка. – А потом прыгнула обратно, чтобы быть с Лео? Это девичья страсть.

– Я бы и сегодня поступила так же, чтобы попасть к Лео, – призналась Лейси, – хотя мне сорок один.

Ей было пятьдесят пять.

– Прямо как Джиа, – вздохнула миниатюрная женщина с узлом-шиньоном. – В каждой книге она борется за возвращение к Себастьяну, зная, что когда они займутся сексом, то снова потеряют друг друга – таково проклятие.

³ Национальный американский кинофестиваль независимого кино.

⁴ *Лолита Шанте Гуден*, более известная под своим сценическим псевдонимом Роксана Шанте, – американский рэпер.

⁵ *Серена Уильямс* – американская теннисистка.

⁶ Открытый чемпионат США по теннису.

⁷ Английская писательница.

⁸ Американо-французская танцовщица, певица и актриса.

⁹ Американская писательница, танцовщица, художница, жена писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда.

¹⁰ Современная шведская экологическая активистка.

– Это метафора, – сказала Ева. В глазах расплывалось. – Каким бы опасным ни было путешествие, для настоящих родственных душ оно никогда не заканчивается. Кто не хочет любви, которая горит вечно, несмотря на расстояние, время и проклятия?

Она не хотела. Мысль об опасной любви вызывала у нее тошноту.

– Признаюсь, – прошептала раскрасневшаяся блондинка, выпив четвертый бокал розе. – Мой сын играет в баскетбол за команду штата Огайо, и я так возбуждаюсь во время игр. В каждом игроке, чернокожем красавце, я вижу Себастьяна.

Ева, потеряв дар речи, глотнула минералки.

«Вот оно, мое наследие, – подумала она. – У меня есть друзья, организующие митинги протеста и пишущие эссе о расах в Америке для журнала *New Yorker*, достойные Пулитцеровской премии. Моя дочь настолько воинственна, что умоляла полицейского арестовать ее на школьной демонстрации в Мидтауне. Но моим вкладом в эти смутные времена будет подстрекательство белых женщин определенного возраста к сексуальным мечтам о чернокожих спортсменах школьного возраста, которые всего-то хотят попасть в НБА¹¹.

Потом в Евиной голове раздался громовой грохот. Она вцепилась дрожащими пальцами в край кресла, готовясь к следующему удару. Мир помутнел. Черты лиц женщин в зале таяли, как часы Дали; от перемешанных запахов парфюма свело живот, а потом молоток стал бить ее в лицо все сильнее и все быстрее, стремясь покалечить, а звуки теперь доносились на запредельных децибелах – шум кондиционера, звон столового серебра, и, Боже милосердный, неужели в Коннектикуте кто-то зашелестел фантиком от конфеты?

Приступы всегда доходили до предела невероятно быстро – эти безжалостные мигрени. Они мучили ее с детства и ставили в тупик самых лучших специалистов Восточного побережья.

Веки Евы начали опускаться. Хорошо отработанным приемом она подняла брови, чтобы выглядеть нормально, и ослепительно улыбнулась аудитории. Глядя на этих развратных дамочек, она ощутила низкопробную зависть, которую всегда испытывала среди людей. Они были нормальными. Они могли делать все что угодно.

Обычные вещи. Например, нырнуть с головой в бассейн.

Поддерживать разговор более двадцати минут. Жечь ароматические свечи. Напиваться. Ехать в поезде *F*, пока саксофонист на протяжении девяти остановок выкрикивает *Ain't Nobody*. Наслаждаться сексом в невероятных позах. Искренне смеяться. Громко плакать. Слишком глубоко дышать. Слишком быстро идти.

Жить, и точка. Ева готова была поспорить, что эти женщины способны сделать большинство из перечисленного без мучительной агонии, поражающей их, как наказание, которое насылает разгневанный бог. Каково это, жить без боли? Какая роскошь!

«Я инопланетянка», – подумала Ева. Ей всегда казалось, что она выдает себя за человека, и она смирилась с этим. Но она никогда не перестанет фантазировать о том, что не больна.

– Извините, я на секундочку, – выговорила Ева. – Мне нужно позвонить дочери.

Спокойно прихватив сумку, она выскочила через красную бархатную дверь отдельного зала. Пробираясь через столики приехавших из пригородов театралов, восторгающихся «Гамильтоном»¹², она заметила дамскую комнату отдыха за зоной хостес. Ева бросилась вперед, ворвалась в кабинку для инвалидов, где была еще и раковина, и ее вырвало в унитаз.

Потом Ева несколько секунд стояла, глубоко дыша, преодолевая боль, как ее научили неврологи, акупунктуристы и восточные целители. Ее снова вырвало.

Покачиваясь, она ухватилась за бортик раковины, чтобы не упасть. Ее подводка размазалась. Вот почему она всегда красила глаза ярко и неаккуратно. Никогда не знаешь, где случится приступ, а с макияжем в стиле полночной Рианны можно притвориться, что так и задумано.

¹¹ Национальная баскетбольная ассоциация.

¹² Американский мюзикл о жизни государственного деятеля Александра Гамильтона.

Ева достала из сумки коробку с одноразовыми обезболивающими инъекциями. Задрав платье, она обнажила покрытое шрамами бедро, воткнула иглу, а после – выбросила в мусорное ведро. Для пущей уверенности она взяла жестянку из-под леденцов «Альтоидс» и достала жевательную мармеладку в виде медвежонка с медицинской марихуаной (прописанную лучшим специалистом Нью-Йорка по обезболиванию, большое спасибо). Откусила медвежонку ухо. «Ну и хрен с ним», – подумала она и закинула в рот остатки конфеты. Это снимет боль до вечера, и она сможет сделать все что положено, забрав дочь из школы, а потом завалиться спать.

Ева осторожно прислонилась спиной к кафельной стене. Ее веки сомкнулись.

Болезнь ничуть не сексуальна. А ее увечье было невидимым – она не лишилась конечности и не была в гипсе. Ужас ее страданий казался людям непостижимым. В конце концов, у всех иногда болит голова, например, если отказаться от кофе или заболеть гриппом. Поэтому Ева все скрывала. Люди знали лишь, что она часто отменяла договоренности («Занята. Пишет!»). И была склонна к обморокам, как на свадьбе Дениз и Тодда («Слишком много просекко!»). Или забывала слова на середине предложения («Извините, просто отвлеклась»). Или исчезала на несколько недель подряд («Писательский ретрит!» – а вовсе не стационарное лечение в отделении обезбоживания в больнице МаунтСинай).

Солгать проще, чем сказать правду.

Вот пример: что бы подумали оргазмирующие жительницы Огайо, если бы узнали, что она мечтает задушить Себастьяна и Джию? Отправить их туда, куда отправились эти ублюдки из «Сумерек»?

Сначала она любила свои книги. Она писала, чтобы пощекотать нервы, идеи вспыхивали, как лесной пожар. Потом она писала для читателей. Теперь же заимствовала сюжетные ходы из комментариев фан-сайтов «Проклятых» – отвратительнейшее мошенничество для любого писателя.

Ева просто не могла больше производить «мучительную романтику». Много лет назад она считала, что любовь не настоящая, если от нее не льется кровь. Себастьян, Джи и Ева когда-то были подростками, с одинаково извращенным мозгом. Себастьян и Джи не выросли. В отличие от Евы.

Она хотела, чтобы «Проклятые» умерли, но сериал обеспечил Одри стабильную, безопасную жизнь. Ева сражалась с драконами, чтобы избавить своего ребенка от того детства, которое было у нее. И она победила. Она просто хотела вернуть вдохновение. Возможно, фильм поможет.

В глубине души Ева надеялась, что сможет начать все с чистого листа. Получив свою долю от продажи книг для экранизации, она наконец-то позволит себе сделать перерыв в написании «Проклятых» и поработает над книгой своей мечты, той самой, которая давно не давала ей покоя. Увлечется чем-то значительно большим, чем ее глупый, откровенный роман (по крайней мере, она надеялась, что это так). Пришло время все доказать самой себе.

Почувствовав себя немного лучше, Ева промыла рот средством для полоскания из припасенной бутылочки. Почти бессознательно она поднесла средний палец левой руки, на котором всегда носила винтажное кольцо с камеей (без него она чувствовала себя голой), к носу и вдохнула. Это была старая привычка – едва уловимый аромат духов какой-то давно ушедшей женщины всегда ее успокаивал.

Наконец, придя в себя, она решила проверить новые сообщения в телефоне.

Сегодня, 12:45

Королева Сиси

МЭЭМ. Где вы? Как твой редактор, я НАДЕЮСЬ, что ты пишешь. Как твоя лучшая подруга, я ТРЕБУЮ, чтобы ты сделала перерыв. ОЧЕНЬ ВАЖНЫЕ НОВОСТИ. Еще напишу.

Сегодня, 13:11

Продюсер Сидни

Пытаюсь дозвониться до тебя уже 3 часа! Кажется, нашелся режиссер! Позвони мне.

Сегодня, 14:40

Мой ребенок

ты принесла мне перья для худ проекта #feministicon Мне они нужны для бабушкиного портрета то есть для ее волос, они такие пушистые спс мама веселись на своем ужасном секс-ланче хо

Сегодня, 15:04

Джеки, странная няня-ипохондрик, которую я приглашаю только в экстренных случаях

Одри вернулась домой после обеда с пиццей и командой «Дебатов». И привела с собой 20 детей. На моей странице на *ChildCare.com* указано, что я не работаю с большими группами (агорафобия, гермафобия, клаустрофобия).

– Господи, Одри, – простонала Ева.

Чувствуя, как кружится голова от коктейля из мармеладного мишки и инъекции, она вызвала *Uber*, принесла свои извинения дамам из Огайо и уже через шесть минут была на пути в Бруклин.

Глава 2. Мать-одиночка – супергерой

– Джеки! Где Одри?

Задышавшись, Ева стояла в дверях своей квартиры. Она пробежала взглядом по яркому, эклектичному пространству. Ее индонезийские (купленные в *HomeGoods*) подушки и ковры лежали на раз и навсегда заведенных местах. Ни одна книга не покосилась на полках в библиотеке, занимавшей все пространство от одной стены до другой за фиолетовым гардеробом, который она купила, когда распродавали обстановку после смерти Принса. Ее дом в Парк-Слоуп, вдохновленный картинками с *Pinterest*, был именно таким, каким она его оставила.

Парк-Слоуп был бруклинским хипповым районом, густо подправленным состоятельными семьями либералов. Большинство пар завели детей, когда им было за тридцать, сделав карьеру в новых медиа, рекламе, издательском деле или, как в одном известном Еве случае, в написании песен для мультфильма «Холодное сердце». В основном здесь жили белые, однако район казался многоликим благодаря однополым родителям и детям от смешанных браков (преимущественно азиатско-еврейским, чернокоже-еврейским или азиатско-черным).

Ева и Одри выделялись тем, что а) Ева была на десять лет моложе прочих мам; б) она была не замужем; в) у Одри была черная мать и черный отец (а не еврей или вьетнамец). И место отца не заняла женщина.

– О, привет.

Джеки, няня, прохлаждалась на диване, положив ноги на пуфик в стиле бохо.

– Джеки, я работала! Я примчалась сюда с Таймс-сквер!

– Пешком? – Джеки, студентка богословского факультета Колумбийского университета, все понимала очень буквально. Ева уставилась на нее.

– Одри в своей комнате с другими детьми. Сидят в *Snapchat*.

Ева зажмурила глаза и сжала кулаки.

– Одри Зора Тони Мерси-Мур!

Из спальни Одри, расположенной недалеко, донеслось бормотание. Потом грохот. Хихиканье. Наконец Одри распахнула дверь и с виноватой ухмылкой выскользнула наружу.

В двенадцать лет Одри была ростом с Еву, с ее ямочками, кудряшками и насыщенным ореховым цветом лица. Но стиль она копировала у Уиллоу Смит¹³ и Яры Шахиди¹⁴, отсюда и две космические булочки на голове, топик в цветочек и кроссовки *Fila*. Со своими ресницами длиной в милю и неказистой фигурой она выглядела как Бэмби на своем первом фестивале «Коачелла»¹⁵.

Одри галопом подскочила к матери и крепко ее обняла.

– Мамочка! Это мои джинсы? Смотрятся очень мило.

Произносится «Мииии» и никакого «ло».

Ева вырвалась из объятий Одри.

– Разве я говорила, что ты можешь привести домой всю команду клуба дебатов?

– Но... мы просто...

– Думаешь, я не знаю, что ты делаешь? – Ева понизила голос. – Ты взяла с них деньги?

Одри прыснула.

– Ты. Взяла. С них. Деньги.

¹³ Американская актриса и певица. Дочь Уилла Смита и Джады Пинкетт-Смит.

¹⁴ Американская актриса и модель.

¹⁵ Трехдневный фестиваль музыки и искусств в долине Коачелла (город Индио, штат Калифорния).

– ЭТО НАТУРАЛЬНЫЙ ОБМЕН, МАМА! Я оказываю консультационные услуги, а они мне платят! Все в школе обожают мои лечебные сеансы в *Snapchat*. Именно я вылечила Делайлу от страха перед междугородними рейсами, помнишь? Я – легенда.

– Ты ребенок. И если толком не проснулась, вместо «завтрак» произносишь «затрак».

Одри застонала.

– Слушай, когда я стану знаменитым психотерапевтом и буду зарабатывать несколько миллионов в год, мы с тобой посмеемся над этим днем, попивая жемчужный чай.

– Я же велела тебе прекратить эти сеансы, – прошипела Ева. – Я не для того отправила тебя в модную частную школу, чтобы ты выманивала у белых детей деньги, которые им дают на обед.

– Возмещение ущерба, – сказала Джеки с дивана.

Ева подскочила. Она совсем забыла, что няня рядом. Почувствовав, что ей можно удалиться, Джеки выскочила за дверь под убийственным взглядом Одри.

Повернувшись к матери, девочка сказала:

– Я уже взрослая, мне не нужна няня! А Джеки – хуже всех, смотрит так угрюмо и под кроксы надевает носки.

– Одри, – сказала Ева, потирая висок, – что я всегда говорю?

– Сопровствляйся, упорствуй, настаивай, – сказала девочка.

– А еще?

– Ужасно хочется спать.

– А ЕЩЕ?

Одри вздохнула, признавая поражение.

– Я доверяю тебе, ты доверишь мне.

– Вот именно. Если ты нарушаешь мои правила, я не могу тебе доверять. Ты наказана.

Две недели без компьютеров, планшетов и телефонов.

Одри вскрикнула. Этот звук тридцать секунд эхом отдавался в голове Евы.

– БЕЗ ТЕЛЕФОНА? Что я буду делать?

– Откуда мне знать? Читай «Ужасики»¹⁶ и пиши стихи Ашеру¹⁷, как я в твоём возрасте.

Ева протопала в коридор и вошла в комнату Одри. Двадцать девочек теснились на двухъярусных кроватях и на полу – смещение загорелой кожи и топикив весеннего сезона.

– Привет, девочки! Вы знаете, что вам всегда здесь рады, если Одри спросит моего разрешения. Но она этого не сделала, так что... вам пора. – Ева сияла, стараясь не разрушить образ «крутой мамы», который не должен был иметь значения, но все же имел.

– Скоро мы пригласим всех на ночь, – пообещала Ева. – Это будет зажигательно!

– Только не говори «зажигательно»! – крикнула Одри из гостиной.

Одна за другой девочки выходили из спальни. Одри стояла ссутулившись у входной двери, будто поникшая плакучая ива. Она достала из заднего кармана пачку денег и вручила каждой из выходящих ее законные двадцать долларов. Некоторые гости обняли Одри. Это было похоже на похоронную процессию.

– Стоп! – Ева заметила светловолосого мальчика, пытавшегося пробраться сквозь толпу. Он поднялся во весь рост – на целых три головы выше Евы.

– Ты кто?

– Боже, мама. Это сводный брат Коко-Джин.

– Ты сводный брат Коко-Джин? Почему ты такой высокий?

– Мне шестнадцать.

¹⁶ Имеется в виду серия детских триллеров американского писателя Роберта Лоуренса Стайна.

¹⁷ Имеется в виду стихотворение, которое Одри должна написать после изучения рассказа американского писателя Эдгара Аллана По «Падение дома Ашеров».

– Ты в старшей школе?

Ева посмотрела на Одри, которая пронеслась по коридору, вбежала в комнату и плюхнулась на нижнюю кровать.

– Да, но все в порядке. Меня приняли в программу для отличников в Далтоне.

– О, какое облегчение. Почему ты тусуешься с двенадцатилетками?

– Одри – очень талантливый специалист по психическому здоровью. Она помогает мне справиться с беспокойством, которое я испытываю из-за аллергии на глютен.

– Маленький вопрос. Это моя дочь диагностировала тебе аллергию на глютен?

– У него всякий раз прыщи после фокаччи или кростини! – крикнула Одри из своей спальни. – Как бы ты это назвала?

– Слушай, ты на вид хороший – то есть доверчивый – мальчик, но твое присутствие в моем доме без моего ведома строго запрещено.

– Невероятно, и ради этого я пропустил урок скрипки в стиле хип-хоп, – бросаясь к выходу, проворчал он.

Ева на мгновение прислонилась к двери, пытаясь решить, насколько серьезно она собирается выходить из себя. В такие моменты она жалела, что у нее нет матери, к которой она могла бы обратиться за советом.

Был бывший муж, но и к нему обратиться за советом она не могла. У Троя Мура, аниматора компании *Pixar*, было два режима восприятия реальности: веселый и очень веселый. Сложные эмоции нарушали его мироощущение. Потому-то Ева в него и влюбилась. Он был лучом света, когда в мире Евы царил мрак.

Она буквально споткнулась о него в вестибюле больницы Маунт-Синай. Трой был волонтером и делал наброски портретов для пациентов. Она поняла, что он ей нравится, когда пыталась скрыть синяки от капельниц на руках (результат ее недельного пребывания в палате). После шести недель романтически милых свиданий они сыграли свадьбу в мэрии. Одри родилась через семь месяцев. Но к тому времени они разбежались. Девушка, в которую влюбился Трой и которая не чуралась кипучей спонтанности на свиданиях и эротичных ночей, в домашней жизни оказалась другой. Оцепеневшей от боли и таблеток. И вскоре ее болезнь захлестнула жизнь Троя, убивая терпение, задушив любовь.

Трой принадлежал к церкви «Просто думай о хорошем». Даже становясь свидетелем страданий Евы, наблюдая, как ночами она во сне бьется лбом об изголовье кровати или как падает в обморок на фильме «Двойной форсаж» в «Блокбастере», он считал, что настоящая проблема заключается в ее мировоззрении. Разве Ева не может помедитировать? Послать во Вселенную положительную энергию? (Это всегда озадачивало Еву. Вселенная – это где? Нельзя ли указать точный перекресток? Будет ли кто-то приветствовать положительную энергию, когда она приземлится, и будет ли ее встречать Глинда из сказки о волшебнике Изумрудного города в исполнении Лены Хорн, как она себе представляла?)

Однажды, поздно вернувшись из *Pixar*, Трой лег в постель рядом с женой в позе эмбриона. Она только что сделала себе укол торадола в бедро, и немного крови просочилось сквозь пластырь на их голубовато-серые простыни. Двигаться было мучительно, поэтому Ева просто лежала. Сквозь едва приоткрытые глаза она видела на лице мужа отвращение и муку.

Она была отвратительной. Симпатичные девушки не должны были быть противными. Трой тихонько уходил спать на диване и никогда не возвращался в супружескую постель. На их единственном сеансе у консультанта по браку он признался.

– Я хотел жену, – рыдал он. – Не пациентку.

Трой был слишком вежлив, чтобы положить этому конец. Поэтому она его отпустила. Одри исполнилось девятнадцать месяцев; Еве было двадцать два года.

Трой был счастлив со своей второй женой, йогиней по имени Афина Мэриголд. Они использовали слова вроде «палео» и «кустарный» и жили в Санта-Монике, где Одри прово-

дила лето. В следующее воскресенье она улетала в «Папафорнию»¹⁸ (так Одри называла свои поездки на Западное побережье), где Трой преуспел в роли беззаботного папаши на лето.

Но всякие сложности? Если подросток, сводный брат Коко-Джин, *почти мужчина*, вдруг оказывается в комнате Одри – с этим Трой разбираться не станет.

Ева, пошатываясь, подошла к дивану. Она никогда не могла ясно мыслить в джинсах, поэтому выпуталась из них. Сидя в трусиках «Чудо-женщины», она погуглила в телефоне советы по дисциплине для подростков. В первой статье предлагался «контракт о поведении». У нее не было ни юридических знаний, ни сил, чтобы составить контракт! Тяжело дыша, она отбросила телефон и включила *Apple TV*. Когда жизнь становилась слишком сложной, Ева включала сериал «Белая ворона»¹⁹.

– Мапочка?

Ева подняла глаза и увидела Одри в обрамлении стодвадцатилетней арки. Ее лицо опухло и было мокрым от слез. Она дополнила наряд черной шалью и огромными очками *Ray-Ban*.

Ева старалась ответить строгим взглядом. Такое трудновато дается без штанов.

– Одри, что на тебе надето?

– Стиль «Эксклюзивная грусть».

– В точку, – признала Ева.

Одри прочистила горло.

– Психотерапия – мое призвание. Но я должна была закрыть практику, когда ты этого потребовала. Я прошу прощения за это и за то, что пригласила брата Коко-Джин. Хотя это гетеротипично с твоей стороны – считать, что только потому, что он мальчик, мы ведем себя... странно.

Гетеротипично. Бруклинские частные школы выпускали ультрапрогрессивных учеников. Эти дети протестовали против запрета абортс и выходили на демонстрации за контроль над оружием. В прошлом месяце седьмой класс, в котором училась Одри, прошел с ведрами с водой две мили через Проспект-парк, чтобы выразить сочувствие бедственному положению женщин из стран южнее Сахары.

Преимущества? Высококласное гуманитарное образование. Недостатки? Дети с трудом делили десятичные дроби или вряд ли могли назвать столицу штата.

– Дорогая, пожалуйста, оставь меня ненадолго в покое. – Ева вздохнула, закрывая глаза. – Мне просто нужно подумать.

Одри знала, что «подумать» означает «прилечь», и, надувшись, вернулась в свою комнату. Наблюдая за ней через один открытый глаз, Ева ощутила подступающую тоску. Одри была самым замечательным, самым восхитительным ребенком. Теперь же она становилась воплощенным раздражением. Ей скоро тринадцать, и кто знает, каких ужасов тогда ждать? Возможно, Одри будет сбегать из дома, или выучиться лгать, или пристрастится к травке. Но не к Евиной, которая была надежно спрятана в ящике с фаллоимитатором.

В этот момент зажужжал телефон. Звонила Сиси Синклер, лучшая подруга Евы и самый известный редактор издательства «Паркер + Роу».

Ева ответила измученным «Что-о-о-о-о?».

– Ты жива!

– Согласно данным моего *Fitbit*²⁰, я мертва уже несколько недель.

– Неправда. Я слышу Иссу Рэй по телефону. Я снаружи – сама открою.

Через несколько секунд в дверь ворвалась Сиси. Она была ошеломляющей во всех отношениях – шесть футов ростом, кремовая кожа цвета какао, белокурые локоны. Результат

¹⁸ Игра слов. В оригинале Dadiformia. Dad (*англ.*) – папа, отец, California (*англ.*) – Калифорния.

¹⁹ Американский комедийно-драматический сериал, рассказывающий о неловком опыте современной афроамериканки.

²⁰ Американский производитель электроники и устройств для фитнеса.

муштры в колледже Спелман, лета на Виноградниках и котильонов в белых перчатках с Талантливой Десяткой – самыми образованными и состоятельными афроамериканцами. Сиси одевалась исключительно в винтажные вещи от *Halston* и всегда казалась сошедшей с обложки *Vogue* 1978 года. Или, по крайней мере, была знакома с Пэт Кливленд²¹.

Вообще-то, она была с ней знакома. Сиси знала всех. В свои сорок пять лет она уже давно была одной из самых известных редакторов в издательском мире, но ее неофициальный титул звучал так: Королева общества чернокожих литераторов. Она собирала авторов, лелеяла их и шептала советы по сюжету за коктейлями, а ее вечеринки, которые проводились только для вхожих в миры книг, искусства и кино, были легендарными. Ева быстро узнала обо всем, выиграв конкурс рассказов и заполучив Сиси в редакторы.

На первом обеде в кампусе Принстона Сиси бросила взгляд на «глаза лани и беспорядочные локоны поэтессы из кофейни» (это описание она потом часто повторяла), и ее душа закричала: «Нашла!»

Не успела Ева оглянуться, как у нее появилась заботливая старшая сестра. Сиси помогла ей переехать в Бруклин, избавиться от пороков, научиться искусству ухода за локонами и ввела в круг общения молодых писателей.

Сиси была чертовски властной, но она это заслужила. Без нее не было бы Евы.

Напевая, гламазонка-прелестница исчезла на кухне и появилась через несколько секунд с бокалом пино гриджо и пакетом со льдом, который Ева хранила в морозилке. Сев рядом с хозяйкой дома, Сиси с размаху водрузила пакет со льдом на голову Евы, словно корону.

Сиси была одной из немногих, кто знал правду о состоянии Евы, и помогала чем могла.

– Я пришла, – торжественно объявила она, – чтобы обсудить выступление на тему «Состояние черного автора».

– Мероприятие в Бруклинском музее, которое ты ведешь завтра вечером? Белинда участвует?

Знаменитая поэтесса Белинда Лав была их близкой подругой.

– Тетя Сиси! – Одри появилась снова, в третий раз переодевшись: теперь на ней был неоновый комбинезон с единорогом.

– Одри-медвежонок! Я давно собиралась написать тебе, спросить совета по борьбе со стрессом. Ремонт на кухне съел все мои силы.

Одри плюхнулась на колени Сиси.

– Попробуй шоколадную медитацию. Засунь в рот шоколадку «Поцелуй Херши» и сиди тихо, дай ей растаять. Не жуй. Это момент осознанности.

– Я не сомневаюсь, что это поможет, куколка, но есть ли вариант без сахара?

– Сиси, сосредоточься, – простонала Ева, прижимая пакет со льдом к виску. – Выступление?

– А, ну да. Одна писательница выбыла. Она заразилась сальмонеллой, купив что-то в кафе на колесах Британской Колумбии.

Одри нахмурилась.

– В Колумбии есть британский регион?

«Бруклинские школы наносят новый удар, – подумала Ева. – Никакого понятия о географии, но хотя бы внимательно слушать научилась».

– Британская Колумбия находится в Канаде, солнышко, – сказала Ева.

– Как интересно. Я могла бы почитать об этом месте, если бы у меня был телефон. Надувшись, Одри поднялась и скрылась в своей комнате.

– Короче говоря, – продолжила Сиси, – я предложила тебя на замену.

²¹ Американская модель.

– Ты участвуешь в обсуждении! – Она пожала плечами, довольная своим могуществом. – Приглашены все соответствующие СМИ. Будет трансляция в прямом эфире. Карьерный взлет, который тебе так нужен.

Кровь отхлынула от лица Евы.

– Я? Нет. Я не могу... Я не имею права рассуждать о вопросах расы в Америке. Ты знаешь, как это будет напряженно. Каждое мероприятие, посвященное чернокожим и их книгам, после выборов заканчивается потасовкой.

– Ты назвала своего ребенка в честь известного борца за гражданские права. Разве это не активная позиция?

– Я активничаю на досуге. Белинда и другие участницы дискуссии настоящие активисты, профессионалы. У них есть награды Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, и они участвуют в ток-шоу! Кто это там отравился не вовремя?

Сиси помолчала.

– Зэйди Смит²².

Поморщившись, Ева приложила пакет со льдом к глазам.

– Сиси, это обсуждение в Бруклинском музее спонсируется «Нью-Йорк таймс». Я несезонный автор. Мои книги покупают в аэропорту в последнюю минуту перед вылетом.

Сиси нахмурилась.

– Будем предельно откровенны. Ты целую вечность пыталась получить контракт на съемки. У тебя наконец-то появился продюсер, а теперь хорошие режиссеры не клюют, потому что «Проклятые» – это слишком жанровая история. Покажи Голливуду свою силу! Это будет золотой пиар. Ну, плюс премия Лучшему чернокожему писателю 2019 года, которую ты получишь в воскресенье.

– Думаешь, я выиграю?

– В четырнадцатой книге «Проклятых» есть сцена секса втроем вампир – ведьма – русалка, – заметила Сиси. – Ты выиграешь приз хотя бы за смелость.

Ева застонала в подушку.

– Я не могу.

– Ты нервничаешь, что придется выступать на одной сцене с Белиндой? С дочерью парикмахера?

Ева посмотрела на подругу.

– Бейонсе – дочь парикмахера.

– Отлично. Иди и объясни Одри, почему ты боишься пробовать новое.

Ева вскинула руки. Конечно, с дочерью Сиси ее подловила. Каждый раз, делая важный шаг, Ева думала о том, как это воспримет дочь.

Воспитание Евы не было одобрено блогами для мамочек. Они часто заказывали пиццу на ужин и засыпали за просмотром сериала «Наследники»²³, а поскольку уход за детьми был роскошью, Одри посещала слишком много мероприятий для взрослых. Кроме того, в дни плохого настроения Ева разрешала Одри сколько угодно сидеть в *TikTok*, конечно, выполнив домашнее задание, выторговывая себе время на отдых.

Ева позволяла себе не думать о таких вещах. Когда речь шла о материнстве, для нее было важно подавать пример. Когда Одри будет предаваться воспоминаниям, Ева хотела остаться в мыслях дочери смелой женщиной, которая придумала свою жизнь с нуля. Ни мужчины, ни помощи, ни проблем.

«Миф о супергерое матери-одиночке, – думала Ева, – это ловушка».

Ева зажала глаза ладонями.

²² Современная английская писательница.

²³ Американский драматический сериал о семье богатейшего медиамагната, постепенно отходящего от дел.

– Что мне надеть?

Сиси усмехнулась.

– У меня уже есть для тебя платье от *Gucci*. Ты очаровательна, но одеваешься так, будто ведешь хип-хоп подкаст, – сказала она со вздохом. – Это будет приключение! Писателям нужна встряска. Не может быть, чтобы ты целыми днями читала положительные отзывы на *Amazon*.

– Я больше так не делаю, – буркнула Ева.

– Кстати, о встрясках... Не заглянуть ли тебе в *Tinder*? Когда ты в последний раз встречала мужчину, который не превращался в призрак после трех свиданий?

– Уходя, я делаю им одолжение. – Ева указала на свои трусики Чудо-женщины. – Ты бы хотела трахнуть это?

– На все найдется свой фетиш, – великодушно сообщила Сиси.

Ева усмехнулась.

– Когда мне одиноко, я листаю *Tinder* и напоминаю себе, чего лишилась. Там сплошь чуваки с бородами, смазанными кокосовым маслом, все позируют возле одной и той же испанской граффити стены в Дамбо, а описания характера и ожиданий у них от начала до конца составлены из эмодзи. И я вспоминаю, что не одинока. Я одна. Когда я в коме от писательства и материнства, когда мне слишком больно, чтобы готовить, разговаривать или улыбаться, я сворачиваюсь калачиком с «одиночеством», как с любимым детским одеялом. «Одиночество» не злится, что я не брею ноги зимой. «Одиночество» никогда не разочаровывается во мне. – Ева вздохнула. – Это лучшие отношения, которые у меня когда-либо были.

– Ты рассуждаешь метафорически, – заинтересовалась Сиси, – или встречаешься с мужчиной, которого зовут Одиночество?

– Ты же не всерьез?

– Мой швейцар – рэпер с *SoundCloud*²⁴ по имени Чистосердечный. Никогда не знаешь, что бывает.

– Мне нравится быть одной, – тихо продолжила Ева. – Я не хочу, чтобы кому-то пришлось видеть меня настоящей.

Они посидели в тишине, Ева лениво щелкала резинкой на запястье.

– Мне страшно, – призналась она наконец.

– Ну ладно. – Сиси поцеловала ее в щеку. – Я видела, что ты придумываешь, когда тебе страшно.

²⁴ Социальная сеть, позволяющая общаться музыкантам с фанатами, загружать и продавать музыку.

Глава 3. Романтическая комедия 2004

– Милая, ты встала?

Луизианский говор Лизетт был одновременно текучим и легким, как шепот. Ни у одной мамы не было такого голоса.

– Ты проснулась? Женевьева? Моя Еви Сладкая? Моя Ева Дива? Ты проснулась?

Женевьева, она же Ева Дива, проснулась. Одеяло было натянуто до бровей, и она лежала в позе эмбриона на старом, узком пружинистом матрасе. Ровно четыре дня назад, когда Женевьева Мерсье приехала с мамой из Цинциннати в Вашингтон, они затащили матрас на пятый этаж и бросили его на грязный ковер на полу спальни. Там он и остался. Женевьева и Лизетт были одинаково бедны и не могли позволить себе грузчиков, и потому после того, как они с трудом пронесли матрас Женевьевы и матрас ее мамы, а также маленький кухонный стол и два складных стула по бесчисленным лестницам в палящую июньскую жару, кочующий дуэт матери и дочери решил, что другая обстановка им не нужна.

Женевьева приоткрыла один глаз и осмотрела маленькое пространство. Ей было семнадцать, и это была новая спальня, но комната могла быть любой из тех, в которых девушка просыпалась в любом из городов, где жила в пятнадцать, двенадцать или одиннадцать лет. Комната была невзрачной, незапоминающейся, за исключением одной детали – чемодана, который точно принадлежал ей: клетчатый чемодан, набитый одеждой, баночками с таблетками и книгами. Она прищурилась на будильник из магазина «Все за доллар» на голом подоконнике. Было 6:05 утра. Как раз вовремя.

Лизетт всегда возвращалась домой, когда Женевьева просыпалась, чтобы собираться в школу. Ее мама жила исключительно по ночам. Можно подумать, их личности занимали слишком много места, чтобы существовать одновременно, поэтому мать взяла себе ночь, а дочь – день.

Дневное время было для ответственных людей, а Лизетт была хрупкой, рассеянной женщиной, слишком слабой, чтобы разобраться в деталях взрослой жизни. Например, готовить. Платить налоги. Убирать жилье. (Однажды Женевьева целый час наблюдала, как ее мама пылесосит, прежде чем поняла, что пылесос не включен в розетку.) Красота Лизетт помогала им держаться на плаву – тяжелая работа, это Женевьева знала и потому взяла на себя остальное. Она подделывала подписи Лизетт в банках. Следила за количеством ее таблеток валиума в упаковках. Поджаривала тосты для Лизетт. Укладывала волосы Лизетт валиком перед ее «денежными свиданиями». (Ты продаешься – так и скажи, черт возьми...)

Они переезжали несколько раз с тех пор, как Женевьева себя помнила. Каждый раз разные мужчины манили их, обещая Лизетт ослепительную жизнь. Они всегда давали ей жилье, оплачивали расходы. И раньше это было приключением. В первом классе Женевьева жила в оригинальном коттедже в Лорел-Каньон, арендованном для них известным поп-продюсером, который купил ей попугая по имени Аланис. За год до того один нефтяной воротила поселил их в шале в Санкт-Морице, где повар научил ее просить «Бирхермюесли»²⁵ на безупречном швейцарском немецком. Но по мере того как Лизетт выходила из возраста «горячей юной штучки», ослепительность блекла. Постепенно, а затем и внезапно, города стали грязнее, квартиры – более обшарпанными, а мужчины – более грубыми.

Этот последний парень не платил за квартиру. Но он дал Лизетт работу хостес в своем коктейль-холле «Ловушка Фокс». И он платил ей двойную зарплату. За что – Женевьева не хотела знать.

²⁵ Домашние мюсли. Бирхермюесли – так называют их в Швейцарии.

Лизетт забралась под одеяло, все еще в платье, как в клипе Бейонсе, и прижалась к дочери. Она поцеловала Женевьеву в щеку густо накрашенными губами и сжала ее руку. С покорным вздохом Женевьева погрузилась в душистые мамины объятия. Лизетт всегда пользовалась духами «Белые бриллианты» от Элизабет Тейлор, и Женевьева считала этот аромат подавляюще гламурным, но в то же время успокаивающим.

Это была ее мама – в двух словах. Белые бриллианты. И черная драма.

– Оцени уровень боли, порождение моих чресл, – приказала Лизетт со своим возмущительным юго-западно-луизианским акцентом.

Женевьева подняла голову с подушки и слегка встряхнула ею. Она делала это каждое утро, чтобы понять, насколько все плохо, и определить, сколько обезболивающих ей нужно принять. К счастью, она не мучилась. Слышался просто медленный, равномерный стук в дверь. Она все еще могла дышать между ударами.

– Жить буду, – сообщила она. – Хорошо, тогда расскажи мне что-нибудь.

– Я сплю!

– Неправда. Ну же, ты знаешь, что я не могу заснуть без сказки.

– Разве мы не можем вернуться к тому времени, когда ты рассказывала сказки?

– Я бы с радостью, но ты отказалась от моих сказок пять лет назад, маленькая засранка, – ворковала она, и ее дыхание пахло бурбоном.

Много лет назад Лизетт приходила домой по утрам и рассказывала Женевьеве истории, прежде чем та вставала, чтобы идти в школу. Их любимые истории были связаны с давними скандалами в родном городе Лизетт в Луизиане, Белль Флер. И хотя Женевьева никогда там не бывала, она знала это место как свои пять пальцев.

Белль Флер – это крошечный байю, где жили представители всего восьми семей, раса – чернокожие, культура – креольская, и каждый мог проследить свою родословную до одной и той же пары XVIII века: французского владельца плантации и рабыни-африканки. Со временем их потомки смешивались с повстанцами времен Гаитянской революции²⁶, коренными народами и испанцами, в результате чего возникла богатая, замкнутая культура с ароматами острых специй, одновременно глубоко религиозная и глубоко суеверная. И в высшей степени красочная.

Самыми яркими представителями городка, однако, были мать и бабушка Лизетт. Их судьбы были столь же бурны и драматичны, как и имена – Клотильда и Дельфина. Их жизнь была отмечена убийствами, безумием и таинственной яростью. Поразительные тайны и полное отсутствие отцов. Казалось, что весь матриархальный род Женевьевы однажды появился из инопланетных капсул.

В детстве Женевьева полагала, что это небылицы, полуправда. Но рассказы ее бабушки и прабабушки ошеломляли. Лизетт не была сентиментальной. Для нее имело значение лишь настоящее. Однако она всюду возила с собой тонкий, потрепанный альбом, который Женевьева обнаружила однажды при переезде в картонной коробке. На последней странице были две черно-белые фотографии размером четыре на шесть, под которыми ученическим почерком Лизетт было выведено: «Дельфина» и «Клотильда». Женевьева смотрела и смотрела на их лица, пока ее глаза не затуманились и фотографии не слились одна с другой. Время словно вздрогнуло. И она поняла, что истории Лизетт были правдивыми.

Дельфина и Клотильда выглядели затравленными, напряженными, сумасбродными. Они выглядели как женщины, которые родились с неправильным взглядом на мир в неправильное время. Они были похожи на маму. Они были похожи на нее.

²⁶ Единственное в истории успешное восстание рабов, произошедшее во французской колонии Сан-Доминго в 1791–1803 годах, в результате которого колония получила независимость.

И вдруг женщины на фотографиях перестали казаться сказочными. Они стали печальными, опасными и саморазрушительными. И это было слишком знакомо.

Порой Женестьева приходила в ужас от своих мыслей. Она была бесприютной и беспокойной, и всем ее существом управляла боль. В лучшие дни ей казалось, что она буквально цепляется за рассудок ногтями. Если ее прабабушка, бабушка и мама были сумасшедшими (о да, ее мама определенно была сумасшедшей), то она шла за ними по пятам.

Женестьева хотела быть обычной. Поэтому она решила рассказывать сказки. Поскольку придумать что-то оригинальное ранним утром бывало трудно, она просто вставляла Лизетт в сюжеты фильмов.

– Жила-была, – начала она, – милашка-неудачница по имени Лизетт. Она носила сапоги до бедер и платиновый парик и работала... на Голливудском бульваре. В отделе кадров. Однажды ночью она встретила лихого, богатого дельца. Ему было плевать, что она не умеет правильно есть омаров...

– Красотка, – вздохнула Лизетт. – Ричард Гир – чернокожий, я чувствую.

– Тебе кажется, что все чернокожие, пока не доказано обратное.

– Я не успокоюсь, пока не увижу его родословную.

Лизетт считала, что, поскольку в Белль Флер было много черных, которые выглядели белыми, цифры говорят о том, что многие белые могут быть черными. На Юге в этом смысле была очень тонкая грань, сказала бы она. Учитывая, что у этих грешных владельцев плантаций, насильствовавших рабынь, рождались как белые, так и черные дети, каждый мог оказаться тем или другим. Именно это больше всего пугало белых южан.

Лизетт отпустила руку Женестьева и по-кошачьи потянулась.

– Не спится. Дорогая, не заварила бы ты мне немного «Липтона»?

Женестьева механически кивнула. Было 6:17, и хотелось спать. Но это была ее работа. Она отвечала за дневное время. Поэтому, высвободившись из объятий Лизетт, она зашаркала по короткому коридору на кухню. В коридоре было темно, но на кухне горел свет. Очень странно.

Лизетт никогда не включала свет без крайней необходимости, для настроения. Только так можно было получить разумный счет за свет.

Женестьева замерла, в ее груди волной поднялась тревога.

Нет. Только не сегодня.

Она умоляла маму не приводить парней домой. Лизетт всегда уверяла ее, что однажды так и будет, их дом станет «пространством без мужчин». Но к концу долгой, пропитанной алкоголем ночи Лизетт забывала о своих обещаниях. Или о том, почему она вообще их дала.

Женестьева почувствовала его запах раньше, чем увидела. «Хеннесси»²⁷ и «Ньюпортс»²⁸. Вот он, маленький круглый мужчина лет шестидесяти, сгорбившийся над крошечным кухонным столом из магазина Армии спасения, прерывисто храпит. На нем был дешевый костюм – блестящий на локтях и коленях – и пышный, выющийся черный парик, настолько же кривой, насколько и бесстыдный.

Женестьева нерешительно шагнула в кухню, на линолеумный пол, который тихо прошестел под ее ногами. Наклонившись к спящему, она поцеловала пальцами перед его лицом. Безрезультатно.

«Хорошо, – подумала она. – В отключке он безвреден».

Затаив дыхание, она на цыпочках прокралась мимо мужчины к шкафчику над раковиной. Потянувшись за «Липтоном», опрокинула блинную муку. Коробка с глухим стуком ударилась о столешницу, выпустив облако белого порошка.

²⁷ Французский коньяк.

²⁸ Ментоловые сигареты.

– Женестьева, – невнятно произнес он. Его голос звучал тоньше, чем следовало. И с хрипотцой от двух выкуренных пачек в день. – Как дела, Женестьева? Так тебя зовут, да?

– Так, – ответила она, поворачиваясь к нему. – Мы познакомились вчера.

Он улыбнулся, показав пожелтевшие зубы.

– Я помню.

– Еще бы, – пробормотала она и прислонилась спиной к столешнице, сложив руки на груди. Усмехаясь, он высвободился из куртки и бросил ее Женестьеве.

– Повесь куда-нибудь, детка. – Это прозвучало как «Повисикудадет».

Она посмотрела на куртку с крайним отвращением.

– У нас нет вешалок.

С лающим смехом он пожал плечами и бросил куртку на пол.

Потом откинулся на стуле и медленно вытянул одну за другой ноги. Усаживаясь, он не сводил глаз с Женестьевы, рассматривая ее от макушки пышного высокого хвоста до носков.

Женестьева была одета в безразмерную мужскую футболку *Hanes* и широкие пижамные штаны; он определенно не увидел бы ни единого изгиба ее тела. Впрочем, это не имело значения. Просто хотел запугать. Насладиться властью.

Можно было бы позвать маму, которая наверняка уже уснула. Однако Лизетт ничем бы не помогла. В последний раз, когда она рассказывала маме о стычке с одним из ее парней, тень... странная тень... скользнула по лицу Лизетт, а потом она просто отмахнулась.

– Ох, девочка моя, Бог его уже не простит, – сказала она, улыбаясь как кинозвезда. – Тебе нравится, когда тебя одевают и кормят?

Женестьева, оцепенев, кивнула со слезами на глазах.

– Ну что ж. Будь умницей. Веди себя хорошо, – предупредила она, все еще улыбаясь. – Кроме того, ты слишком умна, чтобы угодить кому-то в лапы.

«В отличие от меня», – эти слова Лизетт вслух не произнесла. Когда дело касалось мужчин, мама действительно не могла похвастаться большим умом. Каждый раз, когда ее бросал ухажер, она бывала растеряна и ошеломлена. А потом с новой надеждой бросалась к очередному придурку. Лизетт слишком доверилась надежде. Она была как ребенок перед автоматом с игрушками в детском игровом центре. Коготь никогда не захватывает игрушку, сколько ни целясь, – все подстроено. Но малыш пытается из раза в раз, потому что надеется, что наконец-то получится.

– Ты красивая, – сказал парень, белки его глаз покраснели. – Прямо как твоя мама. Тебе повезло.

– Да, – сухо ответила она. – До сих пор мне везло.

Женестьева смотрела на этого дурака – на его безумный шиньон, обручальное кольцо – и уже не в первый раз жалела, что не родилась мальчиком. Будь она мальчишкой, врезала бы так, что отправила бы его из этой жизни в следующую за один только тон. И еще за то, что он женат. И еще за то, что позволил маме пить на работе, ведь знал, что только так она согласится предлагать VIP-клиентам дорогие услуги помимо меню.

«Будь хорошей. Будь умницей».

– Но так ли это? – спросил он.

– Что – так?

Он погладил блестящую ткань на своем мясистом бедре.

– Такая ли ты, как твоя мама?

– В... каком именно смысле? – Женестьева тянула время, пытаясь придумать, как будет защищаться, если до этого дойдет. – Вы имеете в виду, например, хобби и интересы? Астрологические знаки? Любимый близнец инь-ян?

Он снова рассмеялся и погрозил ей пальцем.

– Ты умница.

Он поднялся с раскладного кресла, подошел к Женеьеве и остановился в футах от нее. Несмотря на ее смущение, она старалась держаться неприступно.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Семнадцать.

– На вид меньше, – сказал он, придвинувшись чуть ближе.

«Господи, он один из этих», – подумала Женеьева, пытаясь собраться с мыслями. Мужчина был на сотню фунтов тяжелее ее, но пьяный и неповоротливый, а она ловкая. В отчаянии она обвела глазами крошечную кухню. Под рукой не было ничего твердого, чем можно было бы его ударить, – ни сковородки, ни чайника. Ничего, кроме коробки овсяных хлопьев, пластиковых вилок и пакетиков с соком.

«Мой перочинный нож в спальне – слишком далеко!»

Она хотела причинить ему боль, прежде чем он причинит боль ей. Но потом замерла в нерешительности. Этот парень был нужен маме. Он нашел им эту дерьмовую квартиру. Дал маме работу. Он поддерживал их. Они с мамой были заодно, всегда вместе.

«Будь хорошей. Будь умницей».

– Сколько тебе лет? – спросила она, цепенея.

– Пятьдесят восемь. – Он наклонился ближе, неустойчиво покачиваясь. После долгого дня в клубе от него противно пахло. – Но я выносливый.

Ухмыляясь, он шлепнул ее липкой ладонью по руке. И тут часть ее мозга, всегда думавшая о Лизетт, отключилась. Женеьева замерла как статуя. Прищурилась. Чувства обострились.

– Хочешь шутку? – резко спросила она с милой улыбкой.

– Шутку? – Этим вопросом она застигла его врасплох. – Ой. Ладно, я люблю шутки.

– Что сказал Сатана, когда потерял все волосы?

– Не знаю. Что?

Она слегка хихикнула.

– Правда хочешь узнать?

– Хватит! Говори ответ!

Она посмотрела на парик на его голове.

– Кому-то достанется адский парик.

Он широко раскрыл рот.

– Ч-что? Ах ты, маленькая дрянь.

И бросился на нее. Женеьева подалась влево, увернулась. Потеряв равновесие, он пьяно повалился на пол – громоздкий, медленно ворочающийся чан с салом. Будто парализованная, она так и стояла, тяжело дыша, а он внезапно схватил ее за лодыжку и дернул. Она рухнула на пол. Голова разлетелась на тысячу осколков острого, как бритва, стекла.

– Сволочь! Ты! – завопила она, прижав ладони к лицу. А потом, рефлекторно, от боли, отпрянула и с силой ударила его по ребрам.

Пока он ревел, Женеьева выскочила из кухни на четвереньках и помчалась в ванную. Первым делом захлопнула дверь и заперла ее дрожащими руками. Одну руку она прижала к лицу и, слыша ужасный грохот в голове, схватила бутылочку «Перкоцета» из шкафчика над раковиной, забралась в ванну и задернула занавеску. И только тогда перевела дух.

Через дешевую фанерную дверь ванной Женеьева услышала, как парень выкрикивает имя Лизетт. А потом звонко простучали ноги Лизетт, которая бежала по коридору на кухню, недоуменно выкрикивая всякие глупости.

Женеьева по опыту знала, что такое лучше переждать в ванной. Она положила в рот две таблетки и разжевала их. (Лекарство ей прописал врач из Цинциннати, который, как и бесчисленные врачи до него, решил ее неразрешимую проблему с помощью опиоидов.) Пока

Лизетт и ее парень разыгрывали на кухне сцену из жизни чернокожих, Женестье свернулась калачиком на боку, ожидая, когда утихнет боль.

Лизетт больше не кричала. Теперь она ворковала. Потом Женестье услышала шаги, направляющиеся к хозяйской спальне, – фея Лизетта Динь-Динь едва касалась пола, мужчина топал тяжело, медленно. Женестье знала, что так мама ее защищает: выманивает его и запирает дверь. Конечно, выгнать его Лизетт никогда не приходило в голову. Или порвать с ним. Позвонить в полицию. Стать хоть на минуту одинокой, если уж на то пошло. Найти работу. Зарабатывать на жизнь. Взять ответственность на себя, не надеясь на ужасных мужчин, которые сделают это за нее.

«Ты такая же, как твоя мама?»

Женестье свернулась калачиком, пытаясь стать меньше. Она измучилась. Как же хотелось выбраться из этого бесконечного ада.

Ее глаза закрылись. Оставалось всего несколько минут, чтобы собраться с силами. Нужно было подготовиться.

Приближался ее первый день в новой школе.

Понедельник

Глава 4. Мантра

- Позвольте мне поговорить с Таем, директор Скотт.
- Озадаченная женщина подалась вперед над столом, заваленным бумагами.
- Мистер Холл, когда вы в последний раз «поговорили» с Таем, я обнаружила его сидящим на подоконнике пятого этажа, свесившим ноги наружу.
- Он пишет плоско. Ему нужно было изменить перспективу.
- Ему тринадцать лет. Вы подтолкнули ребенка к потенциально смертельно опасному поведению.
- Тай провел прошлый год в центре содержания несовершеннолетних строгого режима. Думаете, это окно было самым ярким моментом в его жизни?

Он вежливо улыбнулся, стараясь скрыть панику, которая охватила его на самом деле.

Шейн Холл был не там, где должен бы находиться. Согласно маршруту, составленному рекламным отделом его издательства, пять минут назад он должен был прибыть в аэропорт. Но Тай был его любимым учеником. А здоровые, работоспособные люди не уезжают надолго, не попрощавшись.

В тридцать два года Шейн не привык быть здоровым и работоспособным. Когда двадцать шесть месяцев и четырнадцать дней назад он проснулся трезвым впервые с тех пор, как был ростом ниже пяти футов, то понял, что наконец-то научился жить без алкоголя. Однако как стать ответственным взрослым, пока не понял. Можно было бы обратиться к психотерапевту, но, черт возьми, нет! Он был писателем – зачем ему отдавать свое дерьмо бесплатно? Вместо этого он бегал по пять миль в день. Пил столько, сколько весил. Добавлял семена чиа во все блюда. Не ел красного мяса. И сахара. Не ходил к проституткам.

Он терпеливо ждал того дня, когда наконец в результате почувствует себя нормальным.

Единственное, что Шейн умел делать хорошо, – это писать, но он делал это только пьяным. Пьяным он стал любимцем критиков. Он разбогател, будучи постоянно пьяным. Он выпустил четыре «гипнотические, экстатические элегии разбитой молодости» – как написали в «Нью-Йорк таймс» – в пьяном виде. Он выиграл Национальную книжную премию, будучи пьяным. Он не написал ни одного предложения трезвым, и, честно говоря, ему было страшно даже пытаться. Поэтому писательство он пока отложил. И начал делать то, что делает каждый не пишущий писатель, – преподавать. Поскольку его имя открывало двери (и привлекало спонсоров) в высокооплачиваемые частные школы, он стал востребован в кругу «приглашенных авторов-стипендиатов».

Шейн преподавал литературное творчество маленьким засранцам в элитных школах в Далласе, Портленде, Хартфорде, Ричмонде, Сан-Франциско – и теперь в Провиденсе, Род-Айленд. Обычно его нанимали только на семестр. Достаточно времени, чтобы встряхнуть детишек, пробить бреши в их привилегированном мировоззрении, прежде чем они снова потонут в самодовольстве. Это все замечательно, но то были не настоящие причины, по которым он устраивал преподавательские туры.

Каждый раз, когда Шейн приземлялся в новом городе, он спрашивал у водителя *Uber*, где находится самый плохой район. Потом отправлялся туда и находил самую неблагополучную школу в этом районе – такую, где семиклассников заставляли стоять в очереди на холоде с семи утра, чтобы пройти контроль безопасности, на который уходил почти час, из-за чего ученики опаздывали на занятия, а потом их исключали за опоздание. Школу, в которой закрывали глаза на охранников, лупивших детей дубинками за «непристойные выражения». Школу, которая позволяла отправлять несчастных, обиженных, голодных, неухоженных, часто бездомных детей в детские тюрьмы за выдуманные проступки.

В колонии они получали настоящее образование. А к восемнадцати годам понимали, что больше всего им нравится роль заключенных.

Шейн находил такую школу в каждом городе и буквально бросался к директору, предлагая услуги репетитора и наставничества после уроков, что угодно. Шейна неудержимо тянуло помочь этим детям. Он даже не был уверен, кто кому больше помогает.

Шейн стоял по другую сторону стола директора Скотта, осматривая затхлый кабинет размером с чулан. И вдруг его взгляд задержался на пожелтевшем плакате, приклеенном к блевотно-зеленой стене:

Запрещенные предметы: электроника, солнцезащитные очки, одежда цветов бандитских группировок.

«Цвета бандитских группировок» было написано красными чернилами, вероятно, для того, чтобы достучаться до группировки «Кровавых», вынашивавших грандиозные планы.

Шейна поразила такая некомпетентность. Неужели это придумала лично директор Скотт? Возможно, двадцать лет назад она согласилась на эту работу, полагая, что спасет молодежь, как Морган Фриман в фильме «Держись за меня». Но сегодня она рассталась с прошлыми надеждами – к тому же на ее скуле красовался фиолетовый синяк от удара канцелярской точилкой, которую швырнул в нее ученик. Шейн видел, как это произошло.

– Мистер Холл, – устало произнесла она, – вы бы проделали этот трюк с окном с учениками частной школы?

– Нет, потому что мне на них наплевать. – Осознав, что у него вырвалось, Шейн замер. Господи, надо держать себя в руках, чтобы не проболтаться, о чем бы он ни думал. – То есть я имею в виду... Мне не все равно. Я просто не так сильно заинтересован. Дети в школах Лиги плюща принимают эстафету от старшего поколения; они и так хороши. Меня же там используют для рекомендательных писем и селфи.

– Вы делаете селфи с учениками?

Может быть, это неэтично? Шейн не разбирался в социальных сетях, он на самом деле ничего о них не знал. В вопросах современного цивилизованного поведения у него оставалось много белых пятен. Шейн недалеко ушел от того, кем был, когда отключился на плече Гейл Кинг²⁹, пока Джесси Уильямс объявлял, что он выиграл премию Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения 2009 года за выдающееся произведение художественной литературы.

Поклонники считали его загадочным – он всех сторонился, не подписывал книги, не читал отрывки из своих произведений, не появлялся в литературных кругах, потому что был хулиганом, которому все до хрена. Но на самом деле Шейн просто запутался в противоречиях. И не хотел выносить свою «противоречивость» на публику. Поэтому, как только он смог позволить себе кочевать, где вздумается, влача существование втайне ото всех, в далеких уголках земного шара, он так и поступил.

На Тобаго³⁰ он делил хижину на пляже с соседом, которого не шокировали его неумелые манеры поведения за столом или режим сна, как у младенца, потому что его соседом была черепаха. Шейн с удовольствием делился безумными признаниями с барменшей в Картахене, потому что она говорила на четырех языках, и ни один из них не был английским.

Хотя Шейн Холл добился огромного успеха благодаря своей писательской деятельности, написал все это человек, который никогда не должен был стать знаменитым.

И в традиционном, полном условностей литературном мире присущие ему качества только окрепли.

Взглянув на часы, он понял, что вот-вот опоздает на самолет. Шейн задумчиво нахмурился. Потом почесал бицепс под футболкой с короткими рукавами. И рассеянно потянул себя за нижнюю губу. Нервный тик, бывает. Но Шейн почувствовал, что настроение в кабинете изменилось. Взгляд директора из усталого превратился в... настороженный.

Шейн часто делал что-то бессознательно (это он тоже понял недавно, когда стал все чувствовать). Однако привлекать внимание к его рту, руке, чему угодно было нечестно. Он знал, женщины в его присутствии не остаются безразличными. Впервые он это понял, когда был не намного старше Тая. Тогда Шейн не знал, почему он вызывает такую реакцию, да его это и не волновало. Он просто был благодарен за то, что у него есть карта, которую можно вытащить и использовать, когда ты в отчаянии, голоден и одинок.

«Тебе кажется, я похож на ангела? Хорошо, тогда позволь мне постоять здесь, у кассы, пока сходишь за моей любимой газировкой в подсобку. Думаешь, я бандит? Хорошо, тогда

²⁹ Американская телеведущая CBS News, главный редактор журнала O, The Oprah Magazine.

³⁰ Остров в Атлантическом океане.

найми меня ограбить твоего бывшего. Думаешь, меня можно трахать? Хорошо, тогда предоставь мне жилье на месяц».

Шейн одернул себя. Здоровые ответственные люди так не поступают.

– Я оплачу вам обеды на месяц вперед, – выпалил он.

– Что, простите?

Вот вам и «так не поступают».

– Вы принимаете банковские карточки? Я не ношу наличные – плохо контролирую импульсные покупки.

Вяло усмехнувшись, она сказала:

– Идите к нему. Он в комнате для наруши...

Прежде чем она закончила фразу, Шейн выскочил в коридор.

* * *

Шейн нашел Тая за партой в пустом классе. Мальчик отрешенно рисовал на обложке тетради. Он так исписал страницу, что рисунков было не разглядеть. Но если провести по ней пальцами, то можно ощутить бороздки от шариковой ручки. Шейн неделями наблюдал за этим его занятием. Должно быть, мальчика это успокаивает.

Тай был огромным для своего возраста – весил больше ста килограммов при росте метр восемьдесят четыре, то есть на полголовы выше Шейна. Угрюмо-застенчивый, он мгновенно разъярялся при малейшей угрозе или от смущения. Но Шейну он доверял. Шейн не ругал его за одни и те же тренировки и толстовку каждый день. Шейн знал, что Тай живет с тетей в наркопритоне, которым заправляет португальская банда (и что его маму и сестру в последний раз видели в Хартфорд-парке), но никогда об этом не упоминал. Шейн разговаривал с Таем так, будто они были равны.

Шейн встал напротив мальчика, прислонившись к учительскому столу, и сообщил, что уезжает из Провиденса.

Тай не поднимал глаз.

– Куда поедешь.

– В Бруклин. Там в воскресенье будут вручать премию *Little Awards*, – объяснил он. – Я ведущий. И это странно, потому что обычно я не хожу на церемонии награждения.

– Почему.

– Ты слышал о Гейл Кинг?

– О ком?

– Неважно, – пробормотал Шейн. – Я туда не хожу, потому что это бессмысленно. В две тысячи тринадцатом году Национальная ассоциация критиков присудила премию за лучшее художественное произведение Чимаманде Нгози Адичи³¹, а не мне. Считаю ли я, что она пишет лучше меня? Нет. Но это все субъективно.

Тай приподнял уголок губ.

– Ты злишься.

– Да, черт возьми, злюсь, – ответил Шейн. – Потому что мне не все равно. Потребовалось нажать и потерять состояние, выслушать гадателя на картах Таро и посетить кучу заседаний Анонимных алкоголиков, чтобы наконец набраться ума и сил, чтобы произнести эти слова. Мне не все равно.

Тай понял, что его подводят к какой-то мысли.

– Ты все это говоришь, ты зачем это говоришь.

– Тай, почему все твои вопросы звучат как утверждения?

³¹ Современная нигерийская писательница-романистка.

- Ни фи́га это не значит.
- Слушай, я признаю, что меня волнуют награды. А что волнует тебя?
- Ничего. Я не размазня, ниггер.
- Здесь нет ниггеров.

Тай удивился.

- Ты доминиканец?

– Что? Нет. К тому же доминиканцы – ниггеры. Погугли «африканская диаспора», хоть что-нибудь узнаешь. Господи. – Шейн покачал головой. Время шло. – Слушай, если тебя что-то волнует, ты не размазня. А просто живой человек.

Тай пожал плечами.

Шейн серьезно посмотрел на Тая. Тай ответил на взгляд, будто бросая ему вызов.

- Тайри.

- Да.

- Выслушай меня.

- Да.

– В этой школе не учат. Она готовит вас к тюрьме. Каждый ваш шаг ведет к преступлению, так устроено. В большинстве школ детей не исключают за слово «мудак», не бьют электрошокером за опоздания и не сажают в карцер за пропуск одного урока. В большинстве школ восьмиклассников так не терроризируют. Им позволяют быть детьми, у которых на уме только девчонки и *Roblox*³².

Тай снова сосредоточился на блокноте. Он с болью осознавал, что Шейн говорит о нем. Его отправили в колонию для несовершеннолетних за то, что он не высидел положенные часы в школьной комнате для наказанных.

– Ты злишься? Хочешь кому-нибудь врезать? Ничего удивительного. Тебе скажут, что ты животное, но это не так. Ты здравомыслящий человек, реагирующий на безумие происходящего вокруг. Я знаю, потому что был на твоём месте. Мне потребовалось трижды попасть за решетку к выпускному классу, чтобы усвоить урок, который ты выучишь сегодня.

Шейн вздохнул, понимая, что говорит так быстро, что его слова звучат неразборчиво.

- Я тоже боролся. Так же, как и ты.

Ну, не совсем. Как и у Тая, в личном деле Шейна с начальной школы стояло клеймо «жестокий и непредсказуемый». В отличие от Тая, насилие у Шейна не было связано с яростью. Он даже не боролся, чтобы победить. Его целью было причинить себе боль, успокоить свою тягу к саморазрушению – пораниться, раздробить кости, захлебнуться кровью. И именно это заставляло его метаться от приемных семей к детским домам и наконец привело в пустоту, потому что никто не хотел брать в семью чернокожего мальчика с пустыми глазами, тревожными навязчивыми идеями и тревожной... красотой... которая казалась такой странной для неблагополучного ребенка.

– Никто не придет тебя спасать. Ты должен сделать это сам. – Шейн понизил голос, желая, чтобы Тай прислушался, приложил усилия. – Не реагируй на школьных охранников. Не дерись. Не высовывайся, учись, окончи школу и убирайся из этого города на хрен. И не возвращайся, пока не будешь в состоянии помочь такому же ребенку, как ты. Ты меня понял?

Тишина.

– Тай. – Шейн шагнул вперед и ударил кулаком по столу. Мальчик подпрыгнул. – Ты меня понял?

Тай потрясенно кивнул. Шейн всегда казался ему веселым дядюшкой. Он никогда не видел учителя таким серьезным. Поколебавшись, мальчик сказал:

- Я так распаляюсь. Не могу успокоиться.

³² Онлайн-платформа, позволяющая пользователям играть в созданные другими пользователями игры и создавать свои.

– Можешь. – Шейн чуть расслабился. – Верь.

– Ну да. Церковь.

– Если тебе это подходит. Но я имел в виду веру в себя. Что тебе нравится?

Тай пожал плечами.

– Наверное... планеты.

– Почему?

– Нравится... что там есть что-то еще. Я не знаю. Мне нравится думать о других мирах. –

Он растерянно пытался описать то, о чем никогда даже не думал. – Я... Я рисовал планеты, когда был маленьким ниггером. Глупо.

– Неплохо. – Шейн достал из кармана упаковку жевательной резинки и сунул два кусочка в рот. Потом бросил один Таю, который поймал подарок одной рукой. – Есть восемь планет, так? Я не помню всех названий. А ты?

– Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун.

Шейн сложил руки на груди.

– Когда захочешь подраться, произнеси их в голове. Это называется мантра. Мантра – это как магическое заклинание для твоего мозга, приказывающее ему остыть.

– Глупо.

– Разве? Тебе ведь нравится «Игра престолов»?

– Нет.

– Ты сам выучил дотракийский³³. Я видел, что ты пишешь в этой тетради.

Тай снова пожал плечами, его подбородок утонул в складках шеи.

– Что делает Арья³⁴? Когда она в опасности? Она произносит имена людей, которым хочет отомстить. Это ее мантра, и это помогает ей выжить. Планеты будут твоей мантрой.

Тай едва мог скрыть свой восторг и унижение от того, что его сравнивают с Арьей Старк, и его голова еще больше спряталась в шее, а складки кожи проступили под щеками.

– У тебя есть мантра?

Тай действительно задал этот вопрос с правильной интонацией.

– Да.

– Какая?

– Моя, – коротко ответил Шейн.

У него действительно была мантра. Подарок от девочки, когда он был еще мальчиком. И когда поддержка понадобилась, мантра сработала.

Он посмотрел на часы. Пора было ехать в Нью-Йорк.

– Тебе надо заниматься, – сказал Шейн. – Учитель естественных наук сказал, что ты любишь астрономию. Поэтому я записал тебя на стажировку в планетарий Провиденса. Кроме того, каждую пятницу в три тридцать ты будешь помогать с уроками по естественным наукам отстающим. И не забывай: Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун.

– Подожди. Ты знал, что мне нравятся планеты?

Шейн ухмыльнулся и от души ткнул Тая в плечо.

– И ты сказал, что не можешь их назвать, но только что это сделал!

– Конечно, я знаю названия планет, – сказал Шейн, похлопав по карманам джинсов, убеждаясь, что бумажник на месте. – Я тебя обманул.

Рот Тая открылся.

– Это твоя мантра, не моя. Ты должен был произнести ее вслух, чтобы придать ей силу.

– Я тупица, – в восторге прошептал Тай.

³³ *Дотракийский язык* – искусственный язык, разработанный специально для дотракийских реплик в сериале «Игра престолов».

³⁴ *Арья Старк* – персонаж, созданный американским писателем Джорджем Р. Р. Мартином, героиня сериала «Игра престолов».

Шейн усмехнулся. Ему будет так не хватать Тая. Он хотел обнять мальчика, но в личном деле ученика говорилось, что он не любит, когда к нему прикасаются. Шейн все понимал; он тоже не любил, когда его трогали.

Он уже направился к двери, когда его остановил голос Тая.

– Ты... Может, тебе нужна помощь? В Нью-Йорке?

Шейн обернулся.

– Помощь?

– Можно мне поехать с тобой? – робко пробормотал Тай. – Я могу быть твоим помощником.

Шейн чуть ссутулился.

– Если я тебе понадобится, сразу вернусь. В любое время. По любой причине. Обещаю.

Тай несколько раз моргнул и опустил на стул.

– Ты не успеешь по мне соскучиться, парень. Я буду писать тебе целыми днями.

Мальчик кивнул.

– Мне пора. Будь умнее. Просто... води себя хорошо, – сказал Шейн и выскочил за дверь. У него закончились слова. И он опаздывал. В горле стоял комок, а глаза слезились. Но плакать он не собирался. Он не плакал с тех пор, как ему исполнилось семнадцать.

Шейн скользнул на водительское сиденье взятой напрокат «ауди», включил кондиционер и помчался по шоссе № 1 в сторону аэропорта Грин. Он слишком сильно полюбил этого ребенка. Он не знал, как учить, не любя. Возможно, это было вредно для здоровья.

Он знал, что Тай, скорее всего, не попадет на стажировку в планетарий.

Просто не попадет, и точка. Шейн не мог контролировать каждый его шаг, но будет оставаться на связи. Он всегда так делал. В каждом городе у него был свой Тай, или Деймонд, или Марисоль, или Рашад. Он сохранит им всем жизнь силой воли.

Новый Шейн не затем любил, чтобы исчезать.

Так он поступил с ней. Потому и летел теперь в Нью-Йорк.

Шейн ничего не хотел и не заслуживал от нее. И ему была ненавистна мысль о том, чтобы вторгаться в ее жизнь или копаться в прошлом. Но он должен был объяснить то, что не смог объяснить раньше. А потом уйти.

Справедливости ради, он знал, что это ужасный план. И все равно собирался так поступить, даже себе во вред.

Так было нужно. Шейн не мог притворяться, что принимает новую жизнь, убегая от старой.

Она была огнем, который он разжег много лет назад, и слишком долго он позволял ему тлеть. Пришло время потушить пламя.

Глава 5. Веселое черное дерьмо

Мероприятие «Состояние черного автора» было ошеломляющим. Обсуждение проходило в просторном зале «Кантор аудиториум» Бруклинского музея и оформлено было идеально. Чтобы найти этот зал, нужно было преодолеть множество комнат, в которых демонстрировалась самая модная выставка в городе: «Никто не обещал, что завтра наступит. Искусство через 50 лет после Стоунволла». Каждый хипстер притворялся, что посетил эту выставку. Осмотрев все великолепно подобранные экспонаты протестного искусства, толпа гостей вошла в зал, предвкушая бурную беседу.

Помещение было строгим, по-индустриальному современным, с двумя сотнями мест для публики и массивным окном, выходящим на Восточный бульвар, полный карибских ароматов. Гости оделись в разноцветное. Наступила жара, и сарафаны, яркая помада и естественные прически вошли в моду. В толпе смешались представители высокой и низкой литературы: писатели старой гвардии (чей расцвет пришелся на 70-е и 80-е годы); эссеисты, романисты и журналисты-миллениалы, писавшие о культуре; горстка перепуганных книжных блогеров в очках; студентки из Колумбийского и Нью-Йоркского университетов в футболках со слоганами и модных биркенштоках³⁵, по которым безошибочно определяют изучающих «феминизм и его направления». Повсюду сновали репортеры цифровых изданий и фотографы, рассматривая бирки «Здравствуйте, меня зовут...», чтобы отыскать тех, кто достоин интервью.

Ева держала в руке бокал минералки с веточкой базилика. Она старательно пыталась скрыть, что борется с приступом паники. Хотя ей и удалось убить время, болтая с несколькими знакомыми ветеранами издательского дела, она быстро поняла, что большинству собравшихся Ева Мерси была неизвестна или, в лучшем случае, известна лишь как «имя» в жанре, который привлекает очень глупых фанатов. А через несколько минут ей придется со знанием дела говорить перед собравшимися о серьезных вещах.

«Остынь, женщина», – сказала она себе, крутя на пальце винтажное кольцо с камеей. Это был ее счастливый талисман, и Ева рассчитывала с его помощью пережить сегодняшний вечер. Кольцо всегда ее успокаивало. На нем были пятна и зазубрины, возможно, кольцу было лет сто. Ева понятия не имела, какой женщине Викторианской эпохи оно принадлежало, но несколько десятков лет назад она обнаружила его у матери в шкатулке. Скорее всего, кольцо подарил ей кто-то из парней. Однако Лизетт ненавидела старинные украшения – она требовала в подарок совершенно новые бриллианты, милочка, – поэтому никогда не носила это кольцо. Ева же дорожила старыми вещами. Однажды, когда она была одинокой, прыщавой и тринадцатилетней, Ева украла кольцо из шкатулки. Лизетт ничего не заметила. Мама никогда ничего не замечала.

– Сестренка!

Услышав знакомый голос, Ева обернулась и с облегчением расплылась в улыбке. Это была Белинда Лав, поэтесса, удостоенная Пулитцеровской премии, которой предстояло выступать вместе с Евой. В своих поэтических сборниках Белинда буквально впрыгивала в мозг чернокожих исторических личностей и писала лирические стихотворения о современной жизни с их точки зрения. Ее произведение, с точки зрения Лэнгстона Хьюза³⁶, «Не все хэштег» стало культовым.

Много лет назад Ева с первого взгляда влюбилась в Белинду, когда они оказались вместе на одной из эксклюзивных вечеринок Сиси. Воспитанная в скромности родителями-парикма-

³⁵ *Биркенштоки* – от Birkenstock (нем.), немецкий обувной бренд.

³⁶ *Лэнгстон Хьюз* (1901–1967) – американский поэт, прозаик, драматург и колумнист. Известен как один из ведущих и влиятельных писателей культурного «Гарлемского ренессанса» и первооткрыватель «джазовой поэзии».

херами в Сильвер-Спринг, штат Мэриленд, Белинда выиграла стипендию и окончила престижную школу Сидвелл вместе с Челси Клинтон³⁷, а потом десять лет работала консультантом по диалектам на киностудии, редактируя фильмы о рабстве и чернокожих времен Джима Кроу³⁸ (кстати сказать, без работы она сидела редко). Престижное резюме, ничего не скажешь, однако Белинда излучала очарование этакой своей мамочки с девизом «Ближе к земле!» и временно подружки-соседки. Ей нравились исцеление рэйки³⁹ и шаманские чтения, но она не сторонилась и откровенных мемов и соблазняла молодых людей из сферы обслуживания. Она только что рассталась с чилийским красавцем, с которым познакомилась, когда он раздавал флаеры перед магазином *MetroPCS*.

– Привет, Белинда.

Ева осторожно обняла ее, чтобы не потревожить гроздь ожерелий с уличной ярмарки. Фирменные косы Белинды выбились из-под ее головного платка с этническим принтом и свисали до круглой попы. Просто сексуальная доула.

– Вот это платье! Вот это тело!

– Честно говоря, очень трудно двигаться, – прошептала Ева. На ней было черное платье-футляр от *Gucci* без рукавов, с большим вырезом и алые ботильоны на шпильке. Грудь была поднята до подбородка, а волосы распущены до плеч.

– Ты. Не пришла. На игру. В понедельник. Вечером. – После каждого слова Белинда резко покачивалась вперед.

Ева затеребила подол платья.

– Я чувствую себя офисной мегерой, как в сериале о сексуальных адвокатах.

– Меган Маркл образ удался. Пойдем пообщаемся.

Белинда взяла Еву за руку, и они, болтая, стали пробираться сквозь толпу.

– Подруга, – начала Ева, – хочу тебя кое с кем свести. Он милый-премилый. Проверьте его страничку *@oralpro*⁴⁰.

Белинда открыла рот.

– За что мне такое счастье?..

– Расслабься, он ортодонт. Прекрасно поработал с Одри.

– Я пас. Уже нацелилась на жгучего красавца из продуктового отдела в *Trader Joe's* по соседству. Я там покупала продукты для курса веганской выпечки. Его ведет женщина, которая впервые приготовила бриошь из вагинальных дрожжей.

– Вагинально-дрожжевая бриошь, – повторила Ева.

– Это ее коронное блюдо.

– Неужели кому-то пришлось в голову прославиться, приготовив вагинально-дрожжевые бриоши?

– В любом случае не пытайся меня подставить. Моя сексуальная жизнь интересует тебя только как источник вдохновения. Почему бы тебе самой не встречаться с *@oralpro*? Выходи на люди! Хватит прятать красивые ноги и свежий цвет лица.

– Знаешь, почему у меня такой свежий цвет лица? – Ева подмигнула. – Потому что ни один мужчина меня не напрягает.

Тут же непонятно откуда появилась Сиси, просунув голову между ними.

³⁷ Челси Клинтон – американская общественная активистка и писательница, дочь бывшего президента США Билла Клинтона и бывшего госсекретаря США Хиллари Клинтон.

³⁸ Речь о так называемых законах Джима Кроу, направленных на сегрегацию белых и черных при пользовании государственными и частными услугами. Эти законы применялись в южных штатах США в период 1890–1954 годов.

³⁹ Рэйки, рейки – вид нетрадиционной медицины, в котором используется техника так называемого «исцеления путем прикасания ладонями». Профессионалами иногда классифицируется как вид восточной медицины.

⁴⁰ Игра английских слов. *Oral* (оральный) и *pro* (профессионал).

– Спроси ее про Одиночество, – потребовала она, выхватила у Евы выдохшуюся минералку, сунула в руку другой бокал и исчезла обратно в толпу.

Белинда ахнула.

– Как ей удастся вот так материализоваться? И о чем она говорит?

Прежде чем Ева успела ответить, в объятия Белинды бросилась девушка с крашеными светлыми локонами и в обтягивающем топики.

– Ваша поэзия – единственное, что помогает мне справиться с экзаменами в Нью-Йоркском университете! Подпишите книгу? – Она протянула Белинде потрепанный экземпляр.

– Конечно! – Белинда подписала титульный лист и ткнула локтем в Еву. – Это Ева Мерси. Вы, должно быть, слышали о «Проклятых»?

– Моя мачеха читает эту серию, – сказала она, прежде чем быстро сфотографироваться с Белиндой. – Но я избегаю текстов с описаниями откровенного цисгетеропатриархального секса. Извините.

Девушка вскинула вверх кулак – знак движения Черной Силы и подпрыгнула. Снова материализовавшаяся Сиси уставилась на нее.

– Кто впустил сюда эту обесцвеченную крестьянку? – Сиси была королевой полицейского надзора за женщинами с прической, как у нее. То есть половины жительниц Бруклина. – На ней джинсы из *Walmart*?

– Ты когда-нибудь была в *Walmart*? – спросила Ева.

– Телом – да. Душой – нет. – Она крутанулась на пятке. – На сцену! Представление начинается!

Белинда схватила Еву за руку, и они, как утята, протащились за Сиси сквозь толпу.

На сцене была создана интимная обстановка: ряд из четырех элегантных кресел для Сиси, Евы, Белинды и Халила. Халил появился только после вводной речи Сиси из-за недоразумения с водителем *Uber*. Недоразумение заключалось в том, что Халил угнал чужой *Uber*, и водитель его вышвырнул.

Это был тридцатисемилетний доктор культурологии, предпочитавший пастельные брюки *Ralph Lauren* и галстуки-бабочки. Халил был известен тем, что писал тома о системном расизме и жил с шестидесятилетней шведкой, наследницей большого состояния, которая финансировала брюки и галстуки *Ralph Lauren*.

Летом после развода Евы, когда Халил был обозревателем *Vibe*, он безуспешно добивался ее в течение нескольких вечеринок на крыше Клинтон-Хилл. Термин «любитель поучать» еще не вошел в обиход, но вполне бы пригodiлся.

Заполненный зал увлекся оживленной дискуссией – гости кивали, хихикали и записывали видео на смартфоны. Ева сидела прямо, женственно скрестив ноги в ботильонах на шпильках.

Получалось потрясающе.

Да, когда она заговорила в первый раз и во второй, некоторые смотрели на нее с выражением «кто это такая?», но постепенно она завоевала аудиторию. И настолько, что ей самой стало интересно, чего же она опасалась.

Отвечая вместе с Белиндой и Халилом на наводящие вопросы Сиси, они раскрывали свои роли: Белинда была «Честной сестренкой», Халил – «Самодовольным наглецом», а Ева – «Безнадежно пьяной от неожиданного успеха».

– И вот что действительно хорошо, – говорила Белинда, – издательская индустрия с трудом принимает чернокожих персонажей, если они не страдают.

Кивки и ропот аудитории.

– Ожидается, что мы будем писать о травмах, угнетении или рабстве, потому что это легко продаваемые символы чернокожих. Издатели не в состоянии увидеть в нас те же банальные, смешные, причудливые переживания, которые есть у каждого человека...

– Потому что это означало бы, что мы люди, – перебил Халил. – АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЗАВИСИТ ОТ НЕОБХОДИМОСТИ ДЕГУМАНИЗИРОВАТЬ, УНИЗИТЬ И ОТРИЦАТЬ ЧЕРНОКОЖИХ.

Белинда проигнорировала его.

– Мой первый роман был об архитекторе и шеф-поваре, которые становятся свидетелями убийства в переулке во время отключения электричества две тысячи третьего года и занимаются бурным сексом, по пути разгадывая тайну. Его везде отвергали. Я постоянно слышала: «Милая история, но нельзя ли рассказать поподробнее о борьбе чернокожих героев в преимущественно белой профессиональной среде? – Белинда вздохнула. – Можно подумать, черт возьми, в литературе нет места для веселого черного дерьма? Почему я не могу заработать миллионы на «Девушке в поезде»⁴¹ или «Пятидесяти оттенках»⁴²?

– «Пятьдесят оттенков» – это нормально, – фыркнула Сиси. – Хотя я бы очень хотела, чтобы Ана побрила ноги. Но все верно. Белые авторы вольны рассказывать хорошую историю ради хорошей истории.

– Представьте, что было бы, попытайся кто-то из нас опубликовать «Девушку в поезде», – сказала Ева. – «Для цветных девушек в поезде, когда самоубийства недостаточно».

Толпа разразилась хохотом, а Ева засияла так, словно попала к райским вратам. Из ее ушей вырвался солнечный свет, а зрачки превратились в сердечки эмодзи.

– В детстве и отрочестве я была одержима ужасами и фэнтези, – продолжила она. – Но чернокожих персонажей в этих историях не встречала. Почему я не могла попасть в Нарнию или Хогвартс? Когда я написала о чернокожей ведьме и вампире, издатели были шокированы. Типа, могут ли паранормальные существа вообще быть небелыми? И это несмотря на богатую традицию чернокожих вампиров – вспомним Блэйда, Блакулу, фольклор Луизианы. И не надо мне рассказывать о черных ведьмах, таких как Бонни в «Дневниках вампира» или Наоми Харрис в «Пиратах Карибского моря» ... – Она замолчала, понимая, что зазналась и теряет аудиторию. – Как бы то ни было, лишь немногие из нас преуспели в этом жанре, потому что представить себе мир, даже фэнтезийный, где все власть имущие – темнокожие, очень трудно. И с комиксами то же самое. Кто-нибудь бывал на Комик-Коне⁴³?

Только один человек, сидевший в последних рядах, поднял руку. Она прищурилась сквозь очки, чтобы разглядеть его лицо, и увидела мужчину лет сорока, накрашенного мерцающими тенями для век и в фиолетовой шляпе ведьмы Джии. Фанат «Проклятых». Помимо пьющих дам, мужчины-педики поколения X были ее самыми активными читателями и преданно писали на фан-страничках в социальных сетях.

Что смертельно льстило Еве.

Но шляпа ведьмы? Здесь? Когда она пыталась выйти в образе серьезного автора?

– Я осуждаю культуру комиксов, – фыркнул Халил. – Даже Черную Пантеру. Настоящий герой – Эрик Киллмонгер. Но, конечно, Голливуд СТРАТЕГИЧЕСКИ ЭМАСКУЛИРУЕТ БОЖЕСТВЕННОГО АЗИАТА-ЧЕРНОКОЖЕГО, чтобы угодить евроцентристской аудитории.

– Вы получаете материал из генератора слов *Hotep*? – спросила его Белинда, оторвавшись от микрофона.

– Отвали к чертям, Белинда, – прошипел он и продолжил: – Послушайте, я чувствую, что неправильно использую свой дар, если не затрону тему маргинализации чернокожих мужчин.

⁴¹ Роман британской писательницы Пола Хокинс в жанре психологического триллера, по которому снят одноименный фильм.

⁴² Речь идет об эротическом романе «Пятьдесят оттенков серого» писательницы Э. Л. Джеймс, по которому снят одноименный фильм.

⁴³ Фестиваль популярной культуры, посвященный фантастике, кино, комиксам, аниме, косплею, настольным и видеоиграм.

Не скажу О ДУАЛЬНОСТИ одновременного ПОТРЕБЛЕНИЯ и УНИЧТОЖЕНИЯ чернокожих мужчин.

Белинда с досадой фыркнула.

– Я просто думаю, что это очень старо и серо, – то, как вы подчеркиваете участь только чернокожих мужчин. А чернокожие женщины в вашем мире существуют?

– Халил, это проявляется твое женоненавистничество, – сказала Ева, вызвав еще больше смешков в зале. Она была в ударе.

– Я лишь хочу сказать, что, если чернокожие не пишут с намерением УНИЧТОЖИТЬ БЕЛОЕ СУПРЕМАТИСТСКОЕ ХУЛИГАНЬЕ, тогда мы зря рвем здесь глотку. – Он поправил галстук-бабочку. – Тем не менее такие книги, как у Евы, тоже важны. Девчоночьи глупости позволяют отвлечься.

– Глупости? – Ева обиделась.

– Возможно, мне следовало сказать «легкое чтиво», – поправил себя Халил.

– Возможно, нам стоит двигаться дальше, – перебила Сиси, которая внезапно замолчала. Оглядев аудиторию, она хрипло охнула, схватившись за подтянутый пилатесом живот. Поскольку шокировать эту женщину было невозможно, Ева поняла, что произошло нечто катастрофическое. Неужели в зал пробрался стрелок в маске? Неужели Зэди Смит все-таки явилась?

Писатели на сцене проследили за взглядом Сиси. В тени в дальнем углу зала в дверном проеме стояла высокая мужская фигура.

С узнаваемым лицом.

– Шейн... – начала Сиси.

– ...Холл, – закончила Белинда.

Зрители начали оглядываться, их взгляды метались по залу. Шквал восклицаний полетел с мест.

– Что? ГДЕ? Стойте!

Ева ничего не сказала.

Когда героиня фильма ужасов видит призрака, она издает пронзительный крик. Хватается за щеки. И спасается бегством. Ева была на сцене на виду у литературного сообщества Нью-Йорка, поэтому она не сделала ничего из перечисленного. Вместо этого ее руки совершенно ослабли, а микрофон с тяжелым стуком упал на пол.

Никто этого не заметил, потому что все взгляды были устремлены на него.

– Шейн, – крикнула Сиси, – это ты?

Он оглянулся, смущенно скривившись.

– Нет, – ответил он.

– Да! – крикнул кто-то.

– Поднимайся сюда, – приказала Сиси.

Он покачал головой, в его глазах читалось отчаяние. Он будто бы говорил: «Пожалуйста, не заставляй меня это делать».

– Как это понимать? Я обнаружила тебя, когда ты убирал номера в отеле «Бeverли Уилшир», парень, – так что топай к нам. Ты должен это сделать перед всеми в этом зале, всеми, кто способствовал твоей популярности, несмотря на то, как небрежно ты с нами обошелся.

Шейн оглянулся, как бы оценивая, сможет ли убежать. И нехотя направился к сцене.

Ева редко видела происходящее в четком фокусе. Даже в очках. Мигрень всегда размыла окружающее. Но когда Шейн шел по проходу к участникам дискуссии – к ней, – каждая деталь в комнате становилась нестерпимо четкой. Она мучительно осознавала все вокруг и каждую частичку себя.

Этого не могло быть. Но она знала, что все так, потому что тело отозвалось само собой. Дыхание стало поверхностным. Пульс грохотал. Она задрожала всем телом, попав под пере-

крестный огонь миллиарда сильных, противоречивых эмоций. Ева не была особенно религиозной, но всегда чувствовала, что есть... что-то... извне, что наблюдает за ней. По многим причинам, но в основном потому, что она никогда не сталкивалась с Шейном Холлом. Никогда. После стольких лет это было удивительно, учитывая, что они оба были ровесниками, чернокожими авторами, которые добились успеха одновременно. Если это не божественное вмешательство, то она не знала, как это назвать.

И теперь он был здесь, из плоти и крови. Настал момент, которого она всегда боялась. Но в глубине, в тайниках ее подсознания, разве не предвидела она эти мгновения? Она их планировала? Даже мечтала об этом?

Может быть. Но не так. Не на людях. И совершенно неготовой.

Оглушительные аплодисменты вызвали легкую пульсацию в висках и напомнили Еве, где она находится. Зал захлебывался в восторге. Шейн был литературной звездой. Он написал всего четыре романа: «Восемь», «Пила», «Ешь на кухне» и «Запри дверь на входе». Но они стали каноническими. Местом действия всегда был один и тот же безымянный район, где жили страдающие от убийственной бедности люди.

Его персонажи были причудливыми, яркими, практически мифологизированными типажам. И благодаря самозабвенному вниманию к деталям, эмоциям и нюансам он искусно манипулировал читателями, заставляя их настолько вживаться в каждую мысль своих персонажей, что, прочитав пятьдесят страниц, они вдруг понимали, что сюжета нет. Никакого. Просто девочка по имени Восьмерка потеряла ключи. Но они плакали от красоты написанного. Восьмерка могла увидеть, как на улице застрелили чувака, пока она сидела взаперти, но читателей волновала только девочка.

Шейн обманывал читателей, заставляя их видеть человечность, а не обстоятельства. Его книги закрывали, будучи ошеломленными, удивляясь, как писателю удалось завоевать сердце читателя прежде, чем тот понял, что происходит.

Приблизительно раз в пять лет он выпускал книгу, давал несколько рваных, невразумительных интервью, дулся в программах новостей *MSNBC*, срывал сезон наград (если только не противостоял Хуноту Диасу⁴⁴); получал огромный грант, чтобы уехать куда-нибудь и написать еще больше классического дерьма; а затем снова исчезал.

Конечно, полностью он не исчезал никогда. Его видели. Три весны назад он посетил прием по случаю открытия выставки Кары Уокер⁴⁵ в Амстердаме, но, когда пришло время читать предисловие, которое он написал для выставки, исчез (как и пышнотелая рекламная агентша Кары Клаудия). В 2008 году он пошел на ужин корреспондентов Белого дома, но провел время, вытирая посуду с грузчиками на кухне. Он точно присутствовал на свадьбе Джея Коула⁴⁶ в Северной Каролине, где сказал одному из гостей, что единственное, что ему нравится на Юге, – это *Bojangles*⁴⁷, что мгновенно попало в *Twitter*.

Много лет назад один из редакторов *LA Times* пустил слух, что Шейн – мистификатор. И его книги пишет кто-то другой. Потому что Шейн никогда не вел себя как автор из списка «А» и, честно говоря, не был похож на писателя. У него была массивная челюсть, пухлые губы и ошеломляющие ресницы – лицо, которое выделило его из толпы прежде, чем он доказал свою уникальность.

Шейн Холл был устрашающе красив. И все же в редких случаях, когда он улыбался, улыбка была такой лучезарной, такой теплой. Как будто смотришь на чертов солнечный луч.

⁴⁴ Современный американский писатель доминиканского происхождения.

⁴⁵ Современная американская художница.

⁴⁶ Американский хип-хоп-исполнитель и продюсер.

⁴⁷ Американская региональная сеть ресторанов быстрого питания.

Улыбка сбивала с толку. Хотелось либо ущипнуть его за щеки, либо умолять его о жестком сексе на мягком матрасе. Хотелось забрать все, что у него было.

Ева знала это лучше, чем кто-либо другой.

По крайней мере, раньше она его знала. Она не видела его с двенадцатого класса⁴⁸.

⁴⁸ В Америке старшая школа приходится на 9–12-й классы (High School) или 11–12-й классы (Senior High School).

Глава 6. Ведьма кроет монстра

– Он вернулся.

Ева не осознавала, что произнесла это вслух, пока Халил и Белинда не повернули головы в ее сторону.

– Что? – спросил Халил.

– Куда вернулся? Ты его знаешь? – прошептала Белинда, прикрывая рукой микрофон. Аудитория была в полном восторге. А Шейну потребовалась целая вечность, чтобы пробраться на сцену, потому что по пути были руки, которые нужно было пожать, и сувениры, которые нужно было подписать (программы мероприятий, книги, предплечье одной кокетливой девушки...).

– Я просто имела в виду, что не могу поверить – он появился на публике, – пробурчала Ева.

– Ты ведь встречалась с ним, верно?

– Да, мы оба получили Фулбрайта⁴⁹ в 2006 году. Провели лето за письменными столами в Лондонском университете, – прошептала Белинда. – Но я его почти не видела. Скажем так: в Восточном Лондоне на каждом углу есть паб.

– Перехваленный, – сказал Халил. – Однажды я должен был взять у него интервью для *Vibe*. Он заставил меня ждать в *Starbucks* в Западном Голливуде четыре часа, потом появился, минут десять поболтал о черепахе и исчез. Ничего не вышло. Клоун. Вот почему неграм не достается ничего хорошего.

– Ненависть в нем сильна, – язвительно сказала Белинда. Он посмотрел на нее.

– Ты меня достала.

Ева больше не слушала. Потому что там стоял Шейн. На сцене вместе с ними, утонувший в собственнических объятиях Сиси под звуки тысячи снимков, сделанных на айфоны. Наконец Сиси отпустила его, и участники дискуссии встали (Ева, разволновавшись, неустойчиво покачивалась на своих каблуках). Шейн стукнулся с Халилом кулаками и обнял Белинду, а потом остались только он и Ева.

Она неудержимо дрожала. Она никак не могла его обнять. Или хоть чуть-чуть приблизиться к нему. Вместо этого она протянула ему руку – такой странный придаток, – и он пожал ее.

– Я Шейн, – сказал он, не выпуская ее ладони. – Мне нравится ваша работа.

– Спасибо. Я... Ева. – Ева неуверенно произнесла свое имя. Он слегка сжал ее руку, доверительным жестом предлагая расслабиться. Она тут же выдернула пальцы из его хватки.

Стажер «Нью-Йорк таймс» выскочил из кулис с дополнительным стулом, придвинул его между Сиси и Белиндой и вручил Шейну микрофон. Все сели. Халил был в ярости.

– Ну, – начала Сиси, – этот гость, я уверена, в представлении не нуждается. Давайте тепло поприветствуем Шейна Холла, хорошо? Шейн, ты ведь согласишься присоединиться к нам на пару минут?

Сиси одарила его ослепительной улыбкой гордой мамочки. Так Диана смотрела на Майкла: «Я чертовски гениальна; я открыла этого единорога».

– А что, иначе никак? – спросил Шейн с забавной усмешкой в голосе.

Он вырос в юго-восточном Вашингтоне, округ Колумбия, и переливы акцента до сих пор слышались в медленном южном говоре. Ему понадобилось десять лет, чтобы избавиться от привычного «А-а-а-а что-о-о-о».

⁴⁹ Речь идет о программе образовательных грантов (The Fulbright Program), основанной в 1946 году и направленной на укрепление культурно-академических связей между гражданами США и других стран.

– У тебя нет выбора. Расплата за то, что позволил редактору «Рэндом Хаус» украсть тебя у меня.

Сиси жестом указала в сторону Евы и компании.

– Но я... э-э-э... Оратор из меня неважный. Я действительно пришел просто посмотреть и послушать. Неловко получается. – Он смущенно посмотрел в толпу. – Но если Сиси Синклер велит что-то сделать, значит, надо слушаться. Я не сумасшедший.

– Это не точно, – пробормотал Халил.

Прежде чем Шейн успел ответить, молодая женщина в зале подняла руку. На ней была кепка с надписью «Сделаем Америку Нью-Йорком». Лицо под кепкой было свекольно-красным.

– Мистер Х-Холл, – заикаясь, пролепетала она. – Не сочтите за грубость, но я люблю вас. Он улыбнулся.

– Грубо было бы сказать: «Я вас ненавижу».

Она слишком громко расхохоталась.

– Не верю своим глазам. Я непременно должна вам сказать, что Восьмерка и есть та причина, по которой я пишу. Восьмерка, персонаж, – это я. В поп-культуре вы никогда не увидите злых, мрачных чернокожих девушек. Нет ни «Нации черного Прозака»⁵⁰, ни «Прерванной жизни»⁵¹. Мне нравится, что в каждой книге она ведет повествование.

– Спасибо. – Он чуть поерзал на стуле. – Мне она тоже нравится.

– Основан ли образ Восьмерки на реальном человеке? Вы описываете ее так интимно. Я будто подглядываю за тем, чего не должна видеть.

– Как вы думаете, Восьмерка реальна?

– Несомненно, – кивнула она.

– Значит, она есть.

– Это не ответ.

– Я знаю. – Он усмехнулся.

И тогда Еве пришлось это сделать. Наконец она набралась смелости и посмотрела на него – и тут же пожалела об этом.

С возрастом кожа вокруг его глаз стала более морщинистой. Ева забыла о шраме, пересекающем его нос. У него везде были шрамы. Однажды, когда он спал, она пересчитала их. Прощлась по ним губами. А потом назвала их как созвездия.

Идеальные джинсы; грубые ботинки; дорогие часы; худощавое телосложение; двухдневная щетина; простая белая футболка. Возможно, фирмы *Hanes* или *Helmut Lang*. К черту его – эти вещи она и сама хотела бы надеть.

Как я это переживу?

Белокурая журналистка, которую Ева знала по изданию *Publishers Weekly*, подняла руку. Сиси кивнула, разрешая задать вопрос.

– Если говорить о Восьмерке, – начала блондинка, – вы получали нарекания за то, что пишете исключительно с женской точки зрения. Это справедливо? Как мужчина, считаете ли вы себя вправе говорить с женской точки зрения?

В этот момент Ева, Белинда и Халил были фактически забыты. Шейн пожевал нижнюю губу и уставился на свой микрофон, как будто в нем были ответы на все загадки.

– Я думаю... Я не слишком много думаю о том, достаточно ли я компетентен, чтобы что-то делать. Я просто делаю.

– Но это смелый шаг для вас, мужчины, исследовать переживания юной женщины таким интимным способом.

⁵⁰ Игра слов. «Нация прозака» – мемуары Элизабет Вурцель.

⁵¹ Автобиографический роман Сюзанны Кейсен.

– Я не исследую женские переживания. Я просто... создаю персонаж! У которого есть проблемы. – Он смущенно потер руки о джинсы. – Писатели должны выходить за рамки своего опыта, верно? Если я не могу адекватно говорить женским голосом, то, вероятно, я занимаюсь не той профессией и должен пересмотреть свой профиль на *LinkedIn*⁵².

– О! У вас есть профиль на *LinkedIn*?

– Нет, – ответил он, и в его глазах заблестели игривые искорки. Обернувшись к Сиси, Шейн прошептал: – Я же говорил, что у меня это плохо получается.

И в этот момент все силы, сдерживавшие Еву, испарились. Внезапно она почувствовала себя оскорбленной самим его существованием. Она доводила себя до иступления, готовясь к этому событию, репетируя ответы с Одри и втискиваясь в это платье, а Шейну позволялось просто быть самим собой. Всю жизнь он делал все, что хотел, – прятался от интервьюеров, исчезал с лица земли, ходил сонный по мероприятиям, на которые Ева так хотела попасть, что убила бы за приглашение, – и был вознагражден за свое ужасное поведение так, как за всю историю творчества не доставалось ни одной женщине-творцу. Женщины не могут быть плохими мальчиками.

– Я не думаю, я просто делаю.

У Шейна все выглядело так легко. Все, что делала Ева, требовало усилий. И что хуже всего? Это должен был быть ее день, она пришла чтобы доказать: она серьезный автор, сила, с которой нужно считаться. И все пошло прахом, как только появился Самый Важный Гость. Неужели это ее жизнь или постановка Моны Скотт-Янг⁵³?

По всем этим причинам – а также по более давним, более мрачным – она должна была что-то сказать.

– Я понимаю, что хочет сказать журналист, – проговорила Ева, медленно, чтобы подавить дрожь в голосе. – Вы используете опыт, о котором ничего не знаете. У Восьмерки проблемы. Она занимается членовредительством. Она склонна к суициду. А вы идеализируете ее, делая из нее очаровательную, грустную девчонку. Депрессия – это не «катастрофа для девушки», которая плачет единственной красивой слезой, выглядывая из залитых дождем окон и бросая односложные фразы. Депрессия – это трагедия. Восьмерка – это трагедия. И писатель-мужчина, романтизирующий женскую психическую болезнь, неуместен.

– Ты права, – сказал Шейн. Он медленно почесал подбородок, размышляя, а потом перевел взгляд на Еву. Впервые она посмотрела ему в глаза. Что было ошибкой.

Воздух сгустился. Они оба моргнули. Раз, два, а потом так и застыли, глядя друг на друга. Не просто глядя. Пожирая друг друга взглядом. С такой сосредоточенностью, что толпа была забыта. Обсуждение было забыто.

Белинда и Халил сидели между ними, переводя взгляд с одного на другого, как будто находились на трибунах Уимблдона. Глаза Сиси увеличились до мультяшных размеров. Что творится у них на глазах?

– Это правда. Я не женщина, – начал Шейн.

– Именно.

– И ты не вампир. И не мужчина.

– Хороший удар, – пробормотала Белинда.

– И все же – что Себастьян? Его образ одно из самых ярких, правдивых изображений мужественности, которые я когда-либо встречал на страницах книг. Особенно в третьей и пятой книгах. Себастьян в прямом и переносном смысле высасывает жизнь из всего, что его окружает. И однажды он высасывает и Джию – он знает, что высасывает, но не может оста-

⁵² Социальная сеть.

⁵³ Генеральный директор мультимедийной развлекательной компании Monami Productions, наиболее известной благодаря продюсированию реалити-шоу VH1 Love & Hip Hop.

новить себя и отказаться от любви к ней. Может быть, это потому, что он знает, что в конце концов она переживет его. Он знает, что Джия выносливее. В силу того, что она женщина, она сильнее. Девочкам дана вся тяжесть мира, но куда ее опустить. Сила и магия, рождающиеся в этой борьбе? Это так пугает мужчин, что мы придумали причины сжигать вас на костре, лишь бы наши члены оставались твердыми. – Он сделал паузу. – Ты сделала волшебную метлу Джии в десять раз сильнее, чем клыки Себастьяна. Ведьма превосходит монстра. Вот и все, что нужно знать о том, почему мужчины боятся женщин.

Ева была слишком ошеломлена, чтобы дышать. Вопреки здравому смыслу, ее глаза снова встретились с глазами Шейна. Что бы он там ни увидел, это заставило его на мгновение замешкаться. Но потом он продолжил.

– Ты не мужчина, – продолжал он, – но ты пишешь, мать твою, об амбивалентной мужественности. Ты не мужчина, но это не имеет значения, потому что ты пишешь пронзительно и замечаешь незамеченное, а твоя творческая интуиция настолько сильна, что способна убаюкать любое повествование. Ты видишь. И пишешь. С Восьмеркой я делаю то же самое. – Он посмотрел на нее знакомым взглядом. – Просто я пишу не так хорошо, как ты.

Белинда наклонилась к Халилу и прошептала:

– Хочешь вернуться к разговору о «девичьих глупостях» или передумал?

У Евы слегка отвисла челюсть. Она кивнула медленно и бездумно. Она не хотела, чтобы он понял, как она поражена. И не позволила ему оставить за собой последнее слово.

– Что ж, – нашлась она. – Неплохая интерпретация.

– Неплохое чтиво, – низким голосом произнес он.

– Твое... тоже.

– Благодарю.

Ева наконец оторвала взгляд от Шейна. И только тогда он, казалось, вспомнил, что находится на сцене, и тихо вздохнул.

Аудитория гремела абсолютной тишиной. Никто не произнес ни слова; все застыли. За более чем десятилетие Шейн Холл едва ли произнес пять (понятных) фраз для публики. И вдруг оказался здесь и произнес чисто феминистский монолог. О Еве Мерси? Это была потрясающая случайность. И, как ни странно, ошеломляюще восхитительная. Вряд ли кто-то в аудитории читал до сегодняшнего вечера серию «Проклятые», а теперь все спешили открыть приложения *Amazon*.

Ева забыла об аудитории. Осталась только она, в ловушке между словами Шейна и тем, чего он не сказал.

Ева нервно крутила на пальце кольцо с камеей.

«Он прочитал всю мою серию, – подумала она, судорожно теребя кольцо. – Каждое слово».

В этот момент единственный фанат «Проклятых» в зале разразился аплодисментами, его фиолетовая ведьминская шляпа закачалась. Он воскликнул:

– Эй, подруга-фанатка! У тебя есть эмблема Себастьяна?

– Нет, она распродана, когда бы я ни зашла на сайт *EvaMercy – MercyMe.com*.

Лицо Евы пылало. Он пытался купить эмблему? Он знает мой сайт?

– Еще один вопрос, и мы отпустим мистера Холла, – сказала Сиси, разбивая заклинание тишины изящным покашливанием.

Ей пришлось произнести эти слова, потому что Халил так обиделся на забывшую о нем аудиторию, что у него чуть ли пар не шел из ушей.

Встал рыжеволосый парень лет двадцати с небольшим. Он был похож на принца Гарри, если бы принц Гарри жил в Ред-Хуке.

– Привет, я Рич из Слейта. Бренда, Халил и Шейн, ваши работы очень мощные. Ева, я не был знаком с вами до этого вечера, но Шейн прекрасно о вас сказал.

Ева слабо улыбнулась, как женщина на смертном одре, пытающаяся быть храброй ради близких.

– Не могли бы вы рассказать о проявлениях явного расизма, с которыми вы сталкиваетесь как чернокожие авторы? Шейн?

– Я? Э-э... Нет.

– Нет?

Шейн повторил:

– Нет.

– Разве не для этого мы здесь? – спросил Халил.

– Вы здесь для этого, – сказал Шейн.

«Хорошо, но почему ТЫ здесь?» – мысленно закричала Ева. В висках запульсировало, и она бессознательно щелкнула надежной резинкой на правом запястье.

Словно услышав ее мысли, Шейн бросил на Еву быстрый взгляд. Когда он увидел резинку, по его лицу скользнула тень беспокойства. Он замолчал, словно забыв, что хотел сказать дальше. Этот взгляд она помнила отчетливо. Ева опустила руку.

– Хочешь услышать правду, Рич? – спросил Шейн.

– Да, пожалуйста. – Его глаза загорелись так, как загораются у многих белых либералов после выборов. Как будто они жаждут, чтобы им сказали, как все плохо, как они плохи, и чувство вины превратило их в мазохистов. Большой палец Рича навис над приложением диктофона в его телефоне. – В этой обстановке важно делиться свидетельствами. Давайте привлечем Америку к ответственности. Давайте отнесемся к ее преступлениям серьезно.

Шейн задумчиво выпятил нижнюю губу.

– Я не воспринимаю Америку всерьез, – сказал он с легкостью человека, которому никогда не нужно было заботиться о политической корректности. Или о корректности вообще. (Отдел рекламы «Рэндом Хаус» подготовит пресс-релиз с извинениями к 8:00 утра следующего дня.)

На первый взгляд он выглядел непринужденно. Никто, кроме Евы, не заметил, что с их бурного обмена репликами рука Шейна так крепко сжимала микрофон, что кончики пальцев побелели. Только это его и выдавало.

Это – и дрожащий микрофон.

– Слушай, хочешь поговорить о так называемом социально-политическом климате? Я давно в нем живу. Я противостоял Трампам, Пенсам⁵⁴ и Грэмам⁵⁵ с незапамятных времен. Первым из этой когорты был охранник, с которым я остался один на один в тюремной камере. Мне было восемь лет. Никаких законов, никаких видеокамер, никакой пощады. То, что произошло за тот час, навсегда убедило меня в том, что я не обязан обсуждать расизм с белыми. – Он пожал плечами. – Не я должен объяснять это, Рич. Это бремя лежит на вас – вы должны все исправить. Удачи.

Шейн говорил с таким безразличием, что было непонятно, волнует ли его это в высшей степени или не волнует вовсе. Как бы то ни было, он произнес чертовски интересную речь. Отказавшись пролить свет на «Борьбу», он сделал именно это, и одна короткая история из жизни вызвала больший резонанс, чем целый час разглагольствований Халила.

– Понятно, – ответил Рич.

Слегка прищурившись, Шейн посмотрел на бейджик с именем на рубашке Рича. На его лице появилось лукавое выражение, и он плавно сменил тему:

– Однако мне вдруг захотелось обсудить морковные тальятелле.

Рич охнул.

⁵⁴ Речь идет о Майке Пенсе, американском государственном деятеле, политике, 48-м вице-президенте США.

⁵⁵ Речь идет о Линдси Грэме, американском политике, старшем сенаторе США от штата Южная Каролина.

– Вы... вы читали мои...

– Ты Рич Морган, верно? Иногда пишешь о еде в *Slate*? Та статья стала для меня открытием. Я и не знал, что из овощей можно приготовить лапшу.

– Я предлагаю воспользоваться спирализатором с пятью лезвиями с *Amazon Prime*, – восторженно сообщила Белинда.

– Я купила себе именно такой в прекрасном магазине для кухни и дома на озере Комо, – добавила Сиси.

Ева закрыла глаза, размышляя, не подсыпал ли кто кислоты в ее минералку. Разговор стал просто смешным. Шейн в одно мгновение изменил настроение в зале. Когда он успел стать таким раскованным? Таким болтливым? Она никогда не слышала, чтобы он говорил несколько слов кряду, не ворча при этом, общаясь с кем-то, кроме нее.

– Ясно, закажу это дерьмо, – сообщил Шейн. – Я новичок в здоровом питании. Например, я застрял на тостах с авокадо. Рич, спасибо за помощь.

Засиявший Рич опустил на свое место.

Халилу было противно.

– Помогите мне понять, что происходит. Вы не хотите говорить о расизме, но открываете дискуссию о хипстерских макаронах?

Шейн пожал плечами.

– Здоровье – это богатство.

Сиси широко повела рукой, указывая на гостя.

– Шейн Холл, дамы и господа!

Шейн передал Сиси микрофон, вытер влажные ладони о джинсы, даже не взглянув на Еву, и вернулся к бурно аплодирующей аудитории.

До конца обсуждения оставалось еще двадцать минут, но дискуссия была фактически закончена. Шейн увел ее у них из-под носа.

И Ева была разбита.

Глава 7. Ты первая

Спустя полчаса гости еще толпились вокруг участников дискуссии, болтали с ними, просили Белинду и Халила подписать потрепанные книги в мягких обложках, которые несли в сумках. Никто не принес Еве на подпись ни одной книги из серии «Проклятые», но на нее внезапно обрушился поток жаждущих узнать как можно больше о ее книгах в жанре «феминистского фэнтези». Тем временем восхитительный фанат «Проклятых» в шляпе превратился в команду поддержки Евы, перескакивая от группы к группе, распространяя священный сюжет о Себастьяне и Джии.

Ева на такое и не надеялась. Она внезапно попала в поле зрения совершенно новой категории людей, покупающих книги. Увлеченные литературой. Они станут писать о ней в *Twitter*, *Snapchat* и *Instagram*⁵⁶, шумиха разрастется, и (скрестим пальцы) она превратится из популярного в своей нише автора в крупную персону в книжном мире. Лидер мнений! Некто, на чей фильм о межвидовом сексе вы бы купили билет!

Но в тот момент она не могла этого почувствовать.

И Белинда, и Сиси с жадным блеском в глазах несколько раз пытались заманить ее в угол. Но Ева каждый раз оказывалась втянутой в новый разговор. Она не могла встретиться с ними лицом к лицу. Пока не могла. С чего ей вообще начать?

Сердце колотилось, она взглянула на Шейна с другого конца зала.

Явно чувствуя себя неуютно в толпе окруживших его фанатов, он каким-то образом скрылся в дальнем углу. (Шейн 2019 года чувствовал себя более комфортно среди людей, чем Шейн 2004 года, но все же не стал любителем тусовок.) Он делал вид, что разговаривает по телефону. Ева знала, что он притворяется, потому что он держал телефон у уха, но ничего не говорил. И она знала это, потому что смотрела на него.

И он тоже украдкой поглядывал на нее. Раз, другой, а потом, словно не мог удержаться... очень часто. От этих взглядов у нее кружилась голова. От всего у нее кружилась голова. От тупой пульсации в висках. Невозможные каблуки! Платье сексуальной красотишки. Оно стало еще теснее, обтягивая ее, как пленка. Ева продолжала одергивать подол. На ней было платье размера 2, который на самом деле был 0, а Ева носила размер 4, но во время ПМС – 6. Из-за всего этого и из-за грубого столкновения ее прошлого с настоящим она уже несколько часов толком не могла вздохнуть.

Ее телефон разрывался от шквала сообщений – Одри ругала ее за то, что она забыла купить все, что нужно для финала художественного конкурса «Икона феминизма»:

Сегодня, 19:35

Мой ребенок

Мамочка, ты забыла купить мне материалы для портрета бабушки Лизетт! Он должен быть готов в пятницу! Я не могу закончить, пока у меня не будет перьев для ее волос, но нет, все круто, продолжай ставить под угрозу мое художественное творчество! ХОХО

На этот раз Ева решила проигнорировать дочь. И точно так же отодвинула в сторону стыд, который испытывала, потому что из-за нее Одри верила: ее бабушка была иконой феминизма. В лучшем случае – это пересмотр истории. В худшем – откровенная ложь.

Ее телефон снова пискнул – пришло уведомление о новом сообщении из фан-группы «Проклятые» на *Facebook*. Модератором в группе была энергичная домохозяйка из Вермонта,

⁵⁶ Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (Здесь и далее).

чей богатый муж, дистрибьютор рождественских елок, финансировал ее поездки со всеми турне Евы. @GagaForGia была ее самой большой поклонницей. И самой находчивой.

Группа «Проклятые»

Поступили сплетни с какого-то авторского мероприятия в Бруклинском музее. Наша Ева (плюс другие) выступала на панели о расизме или о чем-то в этом роде. Источники говорят, что ОДИН из наших был на сцене! Это Знаменитый Автор™ по имени Шейн Холл? И он восторженно отзывался о «Проклятых». А также вам известно, что у Евы есть автограф Себастьяна на запястье? Зигзагообразная буква S?

У Шейна на запястье буква G. ТО ЖЕ МЕСТО, ТОТ ЖЕ ЗИГЗАГООБРАЗНЫЙ ШРИФТ. G – это Джия, очевидно. Он одержим.

Но сюжет закручивается, друзья. Мы все знаем, что Джия не пишет финикийским алфавитом. И ее подпись даже не упоминается в «Проклятых».

И это еще не все. У Шейна Холла БРОНЗОВЫЕ ГЛАЗА. Как у Себастьяна.

Как всегда, оставляйте свои предсказания о сюжете пятнадцатой книги в комментариях. И #staycursed⁵⁷

У Евы упало сердце.

Всего за сорок пять минут ее очень личная жизнь превратилась в публичную мыльную оперу.

Ева понятия не имела, почему Шейн ворвался в ее жизнь в понедельник вечером, но она знала одно: он должен уйти. Не просто сейчас, а прямо сейчас.

Срочность была связана вовсе не с Шейном. Ева испугалась того, какой она была с ним: неуправляемой. Безответственной. Превращалась в один большой, яростный всплеск. Ей пришлось напрячь все силы, чтобы похоронить того беспокойного подростка. А теперь он явился, вытаскивая на свет прошлое.

Через два года после истории с Шейном она приехала в Нью-Йорк с новой книгой, новыми деньгами и новым именем. Женевьева Мерсье превратилась в Еву Мерси. И Ева Мерси посвятила себя тому, чтобы построить жизнь, которая была бы безопасной и предсказуемой, как диснеевский фильм. Она вышла замуж за самого незамысловатого мужчину на земле, а потом развелась самым дружелюбным образом. Она жила в самом семейном районе Бруклина. Конечно, серия «Проклятые» была развратной, но почему она отказывалась попробовать что-то новое? Потому что и так была на пике безопасности.

Иногда она все же думала о нем. Лежа в одиночестве на больничной койке в два часа ночи или во время приступов писательского застоя. Он появлялся на задворках ее мыслей – без лица, просто ощущение. Вспоминался его теплый, мятно-ванильный запах. Шероховатая мягкость его кожи, словно бархат, обработанный против ворса.

Они не приближались друг к другу целых пятнадцать лет. Ева должна была выяснить, почему он приехал сейчас. Она была готова предложить свои баллы *American Express*, чтобы оплатить его обратный рейс. Ей нужно было, чтобы Шейн исчез.

Ева снова почувствовала на себе его взгляд. Неопределенно наклонив голову, он пригласил ее в свой угол комнаты. Она же, нахмурившись, жестом попросила его подойти к ней. Ситуация и так сложилась трудная, не хватало еще ковылять через всю комнату на ходулях.

Шейн кивнул. Поколебался. Потом засунул кулаки в карманы и направился к ней.

⁵⁷ Букв. #оставайтесь с проклятыми.

Ева убрала телефон в клатч. Когда она подняла голову, он стоял перед ней. Прямо перед ней.

В зале жужжали разговоры. Но для Евы все внезапно стихло до неясного гула. Боже, неужели он стал выше ростом? Так спокойно держится. Такой широкоплечий, такой... большой. Его слишком много.

Ева напонила себе, что нужно дышать. Она не собиралась делать это сейчас. Смотреть на него вот так, на людях. После их маленького представления на сцене у них сложилась аудитория.

– Привет, незнакомец, – сказала она и всем телом вздрогнула.

– Привет.

Глаза Шейна остановились на ее глазах. Ее желудок сжался.

«Ты в порядке. Просто скажи, что нужно сказать, и быстро уходи. Давай, прямо сейчас...»

– Ты можешь...

– Ты хочешь...

– Извини, ты первая.

– Нет, ты.

Ева сосредоточилась, расправила плечи и попробовала еще раз. Это было мучительно.

– Ты можешь встретиться со мной в кафе «Костюшко», недалеко от Восточного бульвара?

Завтра утром, в десять?

Шейн редко делал то, что ему говорили. Но на это предложение энергично кивнул.

– Да, давай так и поступим.

– Хорошо, – сказала Ева и бездумно забормотала: – Я бы... э-э... встретила сейчас, но мне... Мне нужно купить кое-что для художественного проекта дочери. Перья. Хэштег – мамины хлопоты! А еще мне нужно вылезти из этого платья.

Она сунула ему в руку клочок бумаги. Это был номер ее телефона, нацарапанный на чеке из ресторана *Hale and Hearty*, который нашелся в сумочке. – На всякий случай, вдруг пригодится...

Шейн положил его в карман джинсов и, задумавшись, сказал:

– Слушай. Я не знал, что ты будешь здесь.

– Давай потом.

– Честно говоря, тебя не было в списке приглашенных. Я бы не пришел вот так...

– Все потом.

Еве нужно было выйти из зала, но она не могла пошевелиться. Так и стояла – в висках стучало, сердце колотилось. Гости выходили из зала, строили планы на остаток вечера, фотографировались, смеялись. Все было нормально. А Шейн и Ева застыли посреди всего этого. Были кем угодно, но только не такими, как остальные.

Повинуясь импульсивности, с которой, как Ева надеялась, рассталась навсегда, она смело подалась к Шейну, сокращая расстояние между ними. Они стояли близко. Слишком близко.

– Только вот что, – прошептала она, чуть ли не касаясь губами его подбородка. Она не хотела, чтобы их услышали. – Пока не забыла.

– Что?

– Перестань писать обо мне.

Только Ева могла заметить перемену в его выражении лица. Она увидела, как он слегка поморщился. Его губы медленно изогнулись в довольной улыбке. Бронзово-янтарные глаза вспыхнули, будто он годами ждал этих слов. Словно девочка, чьи косички он дергал на перемене целый год, наконец-то дала ему отпор. Он был доволен.

Голосом, одновременно хриплым и низким, и таким знакомым, Шейн ответил:

– Ты первая.

Глава 8. Так с поцелуем я умру 2004

В висках Женестье безумно пульсировало. После утреннего столкновения с дружкой-педофилом Лизетт голова раскалывалась. И от яркого солнечного света, заливавшего школьный двор, становилось только хуже.

Это был первый понедельник июня и ее первый день в этой средней школе Вашингтона, округ Колумбия.

Признаться, являться в класс новенькой в конце года было неловко. Но Женестье профессионально умела не вписываться в коллектив. В четырех предыдущих школах она либо становилась лакомой добычей для заурядных злюк, либо ее просто не замечали. Но каждый вечер, в заведенный час, она доставала блокнот и все исправляла. Она переписывала день в свою пользу. Превращала себя в супергероя. Уносила одноклассников в художественную литературу.

«Я сама виновата. Кто захочет со мной дружить?»

Ее лицо обычно искажалось гримасой боли. Разговоры она вела двумя способами: язвительно-прямо или глубоко саркастически. Она не хихикала. Женестье не хотела никого отталкивать, но, как и сегодня, до появления в школе она обычно проживала пять жизней. Она еще не научилась надевать на себя маску, притворяясь, что все в порядке, не показывая личных катастроф.

И пока что двенадцатый класс превращался в катастрофу. Ей всегда удавалось получать высший балл по всем предметам. Но в этом году мигрень жестоко захватила новые территории. Из-за сильных болей Ева начала прогуливать школу, проводя день за днем в постели – то в парализующей агонии, то под кайфом от обезболивающих, то в тошнотворной комбинации того и другого. Пятерки превратились в двойки с минусом, и Принстонский университет отказал ей в приеме. Принстон должен был ее спасти. Что же спасет ее теперь?

В то утро в ванной Женестье прозрела. Пришло время завести друга. Она хотела узнать что-то секреты. И поделиться своими.

Вашингтон, округ Колумбия, мог стать новым стартом. Она просто выберет кого-нибудь и погрузится в работу. Разве это трудно? У самых ужасных людей были друзья. У О. Джей Симпсона⁵⁸ были друзья.

В ее последней школе, в Цинциннати, было трудно. Но школа Вест-Трумен оказалась намного сложнее. Школьный двор был запружен детьми, а учителей не было видно. Толпа будто явилась из рекламных видеороликов – ностальгические свитера, тимберленды и кофточки конфетных расцветок. Из колонок доносились неистовые удары, а половина школы была в футболках *Madness*⁵⁹.

Женестье следовала образу «девчонка-сорванец» и «мне плевать». На ней была старая футболка с концерта *Nas Illmatic*⁶⁰, треники, из которых она сделала шорты, и кроссовки *Air Force 1*⁶¹. Кудрявые локоны собраны в конский хвост на затылке. Как обычно, она прятала тощую фигурку под безразмерной мужской рубашкой работяги.

Ева расположилась у спортивных трибун, на кладбище сигарет. Перспективы операции «Друг» выглядели мрачно. Толпа на школьном дворе казалась непроницаемой, единой группой. Правда, на трибунах сидели несколько одиночек. Прищурившись от солнца, Ева оглядела ряды в поисках дружелюбного лица.

⁵⁸ Американский рэппер и актер. Получил скандальную известность после того, как был обвинен в двойном убийстве.

⁵⁹ Британская группа новой волны, образовавшаяся в 1976 году в Лондоне.

⁶⁰ *Illmatic* – название дебютного студийного альбома американского хип-хоп-исполнителя Nas.

⁶¹ Модель кроссовок Nike.

Он сидел в верхнем ряду трибун, прислонившись к кирпичной стене, заклеенной объявлениями. Белая футболка и тимбы. На его коленях лежала книга, и он читал ее, сосредоточенно нахмурив брови и прикусывая губу. Он выглядел так, будто жил словами.

«Я тоже так читаю», – подумала она.

Он перевернул страницу, и Ева мельком увидела его блестящие золотистые волосы, каштановые глаза. В солнечных лучах они засияли бронзовым светом. Может быть, это игра света? Этот мальчик излучал такое спокойствие. Ангел среди смертных.

Женевьева доверяла красивым мальчикам. С ними она была в безопасности, потому что им были нужны королевы бала, а не она. Беспокоиться стоило из-за других парней, равных ей, из ее лиги.

Она направилась вверх по шатким трибунам. Именно тогда она заметила истрепанный гипс на его левой руке. Никаких подписей. Подошла чуть ближе и увидела свежий шрам, рассекший его нос. Еще шаг – и она увидела на костяшках его пальцев (на обеих руках) фиолетовые и зеленоватые синяки. А зрачки его глаз были очень, очень расширены.

Ладно, вблизи вид у него был уже не такой ангельский. Но теперь, когда она стояла перед ним, поворачивать было слишком поздно. Он посмотрел на нее с легким любопытством и вернулся к книге. Джеймс Болдуин «Другая страна»⁶².

– Привет, – сказала она. – Можно я здесь посижу?

Тишина.

Не выдержав, она опустилась рядом с ним.

– Я Женевьева Мерсье. – Она произнесла это как Джон-Ви-Эв Маре-Си-Эй⁶³.

Он хмуро взглянул на нее.

– Французское имя, – добавила она.

Он бросил на нее взгляд, говоривший: «Да ладно».

– Ничего, что я здесь сижу?

– Нет.

– Ты что, придурок?

– Oui⁶⁴.

Социальный эксперимент провалился. Женевьева всегда знала, что нельзя отождествлять красоту с совершенством. Она жила с бывшей «Мисс Луизиана», которая выглядела безупречно, но однажды протерла всю квартиру салфеткой для лица *Neutrogena*.

До звонка оставалось еще пятнадцать минут, а тем временем солнце уже вовсю трудилось над ее головой. Неуклюже порывшись в рюкзаке, она достала роликовый пузырек лавандово-мятного эфирного масла и втерла каплю в виски. Масло приятно пощипывало.

Женевьева заметила, что мальчик наблюдает за ней, отложив книгу.

– У меня бывают мигрени, – объяснила она. – Такие ужасные, что головы не повернуть. Например, если я хочу посмотреть направо, мне приходится поворачиваться всем телом. Вот так.

Она повернулась к нему. Он смотрел на нее недоверчиво и растерян.

– Это подстава? Кто-то собирается на меня напасть? – Его голос был сонным и скучающим. – Ты дилер? Каюсь, если я должен тебе денег.

– По-твоему, я похожа на дилера?

– У меня были девушки-дилеры. – Он пожал плечами. – Я феминист.

– Я бы не стала подставлять тебя под удар. Я бы все сделала сама.

⁶² Роман Джеймса Болдуина «Другая страна» (1962) повествует о непростых взаимоотношениях группы белых и чернокожих, ведущих богемный образ жизни.

⁶³ Женевьева переделывает французское имя и фамилию на английский лад, считая, что так собеседнику будет понятнее.

⁶⁴ Oui (*фр.*) – Да.

Он обежал взглядом ее миниатюрную фигуру.

– Ты ростом и комплекцией – леденец «Веселый ранчер».

– У меня комплекс Наполеона.

– У девочек такого быть не может.

– Ладно, феминистка. – Женестьева закатила глаза, отчего в висках взвилось небольшое торнадо. Мимо прошли две девушки, посмотрели на них и захихикали, прежде чем убежать.

Он нахмурился.

– Что ты здесь делаешь?

– Пытаюсь завести друзей, – сказала Женестьева.

– У меня нет друзей.

– Не представляю почему.

– Я не знаю, что говорить людям. – Он воткнул ластик в свой гипс и провел им туда-сюда будто в режиме замедленной съемки. – О чем говорят нормальные люди? О выпускном? Об убийствах и гангстерах?

– Да хрен его знает, – призналась она. – Но это даже хорошо! Мы можем посидеть в тишине.

– Отвянь.

Он вернулся к книге.

Не очень приветливый. Но теперь она хотя бы познакомилась с кем-то в этой огромной, страшной школе. Не представляя, что теперь делать, она прикрыла рукой глаза от солнца и втерла в виски побольше масла.

Женестьева почувствовала, что парень за ней наблюдает. Она уже собиралась объяснить ему, как лаванда снимает напряжение, когда он вынул из кармана джинсов очки *Ray-Ban* и протянул ей. Она надела их, ошеломленная щедростью. Потом он выдохнул (с покорностью?), закрыл книгу и прислонился спиной к кирпичной стене, закрыв глаза.

Женестьева не могла отвести от него взгляд. Она никогда не видела такого лица, как у этого парня. Сердце слегка дрогнуло, и она прикусила губу. Нет. Она не могла влюбиться. Она не доверяла себе; всегда заходила слишком далеко.

Но посмотреть на него не помешает. Она изучала его мечтательное, отрешенное выражение лица, гадая, что он принимает.

– Морфин? – спросила она. – Кетамин?

Он приоткрыл один глаз.

– Ты точно не дилер?

– У меня есть рецепты от врачей. По сути, я целая аптека. – Она помолчала. – «Аптекарь! Быстро действует твой яд...»⁶⁵

– Вот так я умираю с поцелуем, – тут же ответил он. – Китс?

– Шекспир! – воскликнула Женестьева. – Помнишь, из какой пьесы?

– «Ромео и Джульетта», – проворчал он.

– Ты писатель? Или просто ходишь на курс английского для ботаников?

Он пожал плечами.

– Я пишу. У тебя получается?

Он опять пожал плечами.

Она ухмыльнулась.

– Я лучше.

А потом он усмехнулся. И это было неправдоподобно, удивительно, как если бы вас затоптали единороги в Нарнии. Господи, как же его много. Ей нужно было отвлечься.

– Я... хочу есть, – неловко пролепетала она. – Хочешь персик? У меня с собой два.

⁶⁵ Уильям Шекспир. Ромео и Джульетта. – Пер. Татьяны Щепкиной-Куперник.

Он покачал головой. Женестьева расстегнула рюкзак, достала персик и тонкий, острый как бритва перочинный нож. Опираясь локтями о колени, она щелкнула лезвием и провела им вдоль персика. Это всегда было так приятно – чувствовать натяжение кожицы под лезвием. Напряжение. Она нажала чуть сильнее, кожаца лопнула, и сок вытек наружу. Она поймала его языком. Потом отрезала кусочек, прижав большой палец, и отправила дольку в рот.

Поеживаясь, Женестьева взглянула на своего нового друга. Он смотрел на нее так, будто впервые в жизни увидел настоящую радугу.

– Так вот как ты ешь персики?

– Мне нравятся ножи.

Он моргнул. Один раз. Дважды. Затем быстро потряс головой, как бы встряхивая и перераспределяя мозг.

– Не, детка, – сказал он. – Давай отсюда. Я пытаюсь держаться подальше от неприятностей.

– Неприятностей? Но...

– Ты опасная. А я еще хуже. Я буду опасен для твоего здоровья.

– Я и так опасна для здоровья. – Женестьева сорвала солнцезащитные очки для пущей убедительности. – Мы теперь друзья! Ты говорил, что не умеешь разговаривать с людьми, но ты разговариваешь со мной!

– Я сказал, что не могу разговаривать с нормальными людьми. – Он посмотрел на нее. – Ты не нормальная.

Она не была уверена, но это было похоже на комплимент. Она чувствовала, что ее понимают. Это было что-то новое. В животе затрепетало.

– Откуда ты знаешь, что я ненормальная? Мы только что познакомились.

– Тогда кто ты?

Женестьева положила подбородок на руки, уперев локти в бедра. Она не знала, как ответить. Кто она?

Она устала. Устала болеть, устала от того, что от ее болтовни одни неприятности, устала переезжать, устала отбиваться от мужчин, которые считали, что мать и дочь – это двойная сделка, и устала ненавидеть себя такой, какая есть.

Может быть, не стоит говорить ему правду. Слишком это некрасиво. Но, возможно, честность-то и нужна, чтобы обрести настоящего друга.

Будь хорошей. Будь умницей.

– Я не хорошая, – тихо призналась она. – И не умница.

Он медленно кивнул. Опустив взгляд на тимбы, почесал подбородок.

– Я тоже.

Так все и началось. С маленького признания. Женестьева никогда никому не говорила, что с ней не все в порядке, и, похоже, он тоже не говорил. Она повернулась к нему, собираясь заговорить. И замерла. Потому что он смотрел на нее во все глаза.

Что-то вспыхнуло между ними – понимание, взаимное притяжение, и это было так необычно, так безотчетно, что Женестьева чуть не задохнулась. Ошеломленная, она слегка раздвинула губы. А потом совсем перестала дышать, потому что он медленно перевел свой сонный, одурманенный взгляд с ее глаз на рот и снова на глаза. На его лице заиграла уверенная, довольная улыбка. Она нерешительно улыбнулась в ответ.

И все закончилось. Он вернулся к своей книге, как будто не было этого невероятно интимного взгляда. А мир Женестьева сбил с оси. Но в одном она была уверена.

«Мне обязательно нужно с ним подружиться», – подумала она.

– Ну и, – вздохнула она, – как тебя зовут?

– Я же сказал, у меня нет друзей. Дай мне спокойно подумать.

– Не бойся. Откуда гипс?

Он вздохнул.

– Я все время ломаю руку.

– Черт. Недостаток кальция?

– Нет. Я делаю это специально.

Женевьева вытаращилась на него. Прозвенел звонок. Низкий голос прокричал что-то в громкоговорители, и ученики шумной толпой вошли в здание из красного кирпича. Они же не шелохнулись.

– Ты не ломаешь себе кости, – прошептала она, – ты просто не хочешь разговаривать и пытаешься меня напугать, чтобы я ушла.

– Получается?

– Нет. – Женевьева была поражена. – Что с тобой?

Он вздохнул.

– Много всякого.

– Не могу себе представить, что совершу такое безумие.

– Нет?

Она проследила за его взглядом, который сосредоточился на ее правой руке. Мужская рубашка сползла с ее плеча. И стали видны ряды неглубоких горизонтальных порезов у плеча. Некоторые были заклеены пластырем, остальные засохли струпьями, а некоторые стали шрамами. Женевьева всегда носила безразмерную рубашку, чтобы скрыть эти отметины, но несколько раз в школе рубашка сползала. Всегда можно было сказать, что это экзема. Никто никогда не спрашивал.

Женевьева поддержнула рукав.

– Ты не знаешь, что у меня за жизнь, – прошипела она.

– Попробуй Расскажи, – предложил он, его галактические глаза пожирали ее заживо.

Ее будто ударило током, она ощутила нечто первобытное, грязное, отчаянное, сбивающее с толку. Неужели ее увидели такой, какая она есть на самом деле? Заметили? Это было пьяняще и пугающе. Женевьева надеялась, что ей будет с кем поделиться секретами. Но не рассчитывала, что кто-то окажется еще более сумасшедшим, чем она. И не надеялась, что этим человеком окажется мальчик – мальчик, который вот так выглядит и так на нее смотрит.

Каким-то образом он пробрался в ее голову и вонзил клыки в ее мозг, отравляя надеждой. Жестокая шутка.

Женевьева рванулась вперед и схватила его футболку в кулак, притянув его до уровня своих глаз.

– Перестань смотреть на меня так, будто твой член у меня во рту, – сказала она, задыхаясь, все еще сжимая персик в левой руке. – Я тебе нравлюсь? Думаешь, это так оригинально? Парням нравится мучить странную девчонку, уродку. Но знаешь что? Я и так рассыпалась на кусочки, так что...

С невероятной быстротой он вырвался и зажал ее руку за спиной. Женевьева выгнулась дугой, переводя дыхание. Ее пронзила восхитительная дрожь.

Он держал ее так несколько секунд, а потом склонился к ее уху:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.